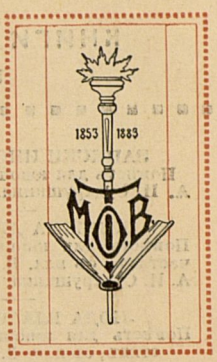
Л. ЧАРСКАЯ

ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА

Изданіе
Т-ва М. О. Вольфъ


1853
1883
МОВ

Л. А. ЧАРСКАЯ

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАННЫЯ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ:

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.
Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 3-е. Ц. 3 р.

КНЯЖНА ДЖАВАХА.
Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 3-е. Ц. 3 р.

ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.
Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина. Изд. 3-е. Ц. 3 р.

ВТОРАЯ НИНА.
Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. 3 р.

ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО.
Повѣсть для юношества, съ илл. И. Гурьева.

ЗА ЧТО?
Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4-хъ частяхъ, съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р.

БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.
Повѣсть для юнош., съ иллюстр. И. Гурьева.

ЛѢСОВИЧКА.
Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро. Ц. 3 р.

ГАЗАВАТЪ.
Историческая повѣсть, съ илл. І. І. Смукровича. Изд. 2-е. Ц. 3 р. 50 к.

ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ.
Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Ц. 3 р. 50 к.

СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ.
Истор. пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Ц. 3 р. 50 к.

ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.
Историч. повѣсть, съ иллюстр. худ. С. Панова. Ц. 3 р. 50 к.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ.
Историческій разсказъ, съ илл. А. Бальдингера.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ.
Историческій романъ. Ц. 1 р.

ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.
Историческая повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера.

ГОЛУБАЯ ВОЛНА.
Стихи и пѣсни для юношества.

ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. В. Симакова. Ц. 2 р. 50 к.

ЗАПИСКИ СИРОТКИ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго. Ц. 1 р. 75 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

ТАСИНО ГОРЕ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова.

ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера. Ц. 2 р. 50 к.

СИБИРОЧКА.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. Гурьева.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера.

СЧАСТЛИВЧИКЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. худ. И. Гурьева.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ.
Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова. Ц. 60 к.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ.
Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к.

СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.
Съ рис. В. Мельникова, З. Шапиро и др. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 75 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА.
Разсказъ для малютокъ, съ хром. карт. А. Гейера. Ц. 1 р. 50 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА.
Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Ц. 45 к.

ВОВИКЪ.
Полу-быль, полу-сказка, съ илл. барона Демерта.

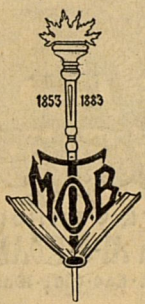
КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ.
Разсказы для маленьк. дѣтей, съ хром. карт. Изд. 2-е. Ц. 90 к.

ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. А. ЧАРСКОЙ



Съ 6 рисунками А. Бальдингера
и однимъ портретомъ

Заказ № 7574. Пор. № 18

Книга имеет: 96 стр. — иллюстр.

— табл. — карт.

Примечания: Обложку сохранить.

Расписка отв. за подгот. в перепл.

Тип. ГПБ з. 746—75 000. 28-3-62

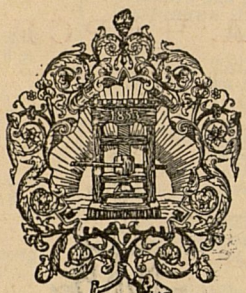
ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 6 рисунками А. Бальдингера
и однимъ портретомъ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ
Гост. Дворъ, 18 и Невск. 18.
Москва
Кузнецк. М., 12 и Мохов., 22.



ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ

Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. ВАС. ОСТР. 16 ЛИНІЯ СОБ. ДОМЪ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ значеніе историческихъ разсказовъ и повѣстей для юныхъ читателей признано уже давно. Наша дѣтская литература по части такихъ повѣстей и разсказовъ несомнѣнно богата—и количественно, и качественно. Но почти всѣ этого рода произведенія разсчитаны на болѣе развитыхъ юныхъ читателей, на читателей юношей или, по крайней мѣрѣ, на дѣтей старшаго возраста. Историческихъ же повѣстей и разсказовъ для дѣтей до-школьнаго возраста, для малышей—у насъ почти нѣтъ.

Между тѣмъ, кто внимательно слѣдитъ за вкусами дѣтей по отношенію къ чтенію, тотъ не могъ не замѣтить, что уже самые юные читатели обнаруживаютъ несомнѣнный интересъ къ разсказамъ о минувшемъ, къ разсказамъ историческаго характера. Особенно это замѣчается въ послѣднее время. Новѣйшая педагогика удостовѣряетъ, что дѣти очень любятъ разсказы «невыдуманные», разсказы о томъ, что дѣйствительно было, или какъ, со словъ самихъ дѣтей, называетъ ихъ одинъ изъ видныхъ представителей нашего педагогическаго міра, «всамдѣлишные разсказы». А именно такими разсказами являются, между прочимъ, историческіе.

Идти навстрѣчу этому вкусу юнаго поколѣнія задача разумной педагогики, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ полезнымъ направленіемъ.

Къ сожалѣнію, однако, какъ упомянуто выше, для дѣтей младшаго возраста, нѣтъ почти подходящаго историческаго чтенія, если не считать разныхъ собраній легкихъ, въ хронологическомъ порядкѣ располо-

женныхъ, очерковъ изъ русской исторіи, въ которыхъ, большею частью, на первомъ планѣ выступаютъ военные подвиги нашихъ предковъ и описываются сраженія, побѣды, подвиги на полѣ брани... Но вѣдь исторія состоитъ не изъ однихъ только побѣдъ, войнъ и сраженій. Въ ней есть и мирныя страницы. И на первыхъ порахъ гораздо полезнѣе и важнѣе сообщать дѣтямъ такія событія родной исторіи, значеніе которыхъ состояло не въ томъ только, что люди и народы враждовали между собой, проливали взаимно кровь, уничтожали другъ друга цѣлыми тысячами и десятками тысячъ и въ этомъ видѣли свою доблесть... Необходимо внушить дѣтямъ, что есть и иная доблесть, не только военная, что исторія заключается не только въ кровавыхъ подвигахъ, что въ исторіи бывали и бываютъ самые разнородные эпизоды мирнаго характера...

Познакомить дѣтей съ одной изъ «мирныхъ» страницъ нашего историческаго прошлаго и составляетъ задачу настоящей повѣсти, предназначающейся для дѣтей младшаго возраста. Фономъ повѣсти служитъ рядъ

дѣйствительныхъ фактовъ изъ жизни близкихъ родственниковъ «царицы-крестьянки» Екатерины I. Факты эти облечены въ форму веселаго, возможно доступно, просто изложеннаго беллетристическаго разсказа, такъ чтобы онъ могъ заинтересовать даже самыхъ маленькихъ, только что начинающихъ читать дѣтей. Конечно, въ разсказѣ, предназначенномъ для такого юнаго возраста, нельзя требовать, желательной и даже необходимой въ повѣстяхъ историческаго содержанія для юношества, характеристики эпохи, нравовъ, быта. Тѣмъ не менѣе, авторъ старался и здѣсь дать кое-какія свѣдѣнія, относящіяся къ жизни нашихъ предковъ, расширяющія познанія дѣтей и подготовляющія ихъ къ болѣе подробному и серьезному изученію родного прошлаго путемъ чтенія.

I.

Какая стужа!.. какой вѣтеръ!.. И не видно, матушка, что весна на дворѣ!

Бѣлокурая головка загорѣлаго, голубоглазаго мальчика, произнесшаго эти слова, прильнула къ запотѣвшему отъ сырости окну, и свѣтлые глазенки его впились въ полумракъ ненастнаго апрѣльскаго вечера.

— Да, ужъ погода! А бѣдняга Мартынъ въ такую погоду пасетъ свое стадо!—отозвалась еще не старая, но худая, измученнаго вида женщина съ печальными глазами.

— Мартынъ работаетъ за отца, матушка... Съ той поры, какъ отца увезли отъ насъ, Мартынъ у насъ всякое дѣло дѣлаетъ... совсѣмъ

какъ большой... А знаешь, матушка,—продолжалъ мальчикъ,—и я хотѣлъ бы быть такимъ-же, какъ онъ... Хотѣлъ-бы помогать тебѣ, родная...

— Куда тебѣ! ты совсѣмъ еще маленькій у меня,—гладя рукою бѣлокурую головенку своего сына произнесла крестьянка.—Подожди, будетъ тебѣ столько же лѣтъ, какъ Мартыну, минетъ тринадцать, вотъ ты мнѣ и поможешь, Ванюша.

И женщина прижала сынишку къ своей груди.

На минуту въ избѣ наступило молчаніе. Слышно было только, какъ на дворѣ шумѣла непогода, да сверчокъ трещалъ за печкой свою неугомонную пѣсенку.

И снова прозвучалъ, нарушая тишину, звонкій дѣтскій голосокъ:

— Вѣрно мы ужъ больше никогда не увидимъ нашего отца, матушка... Мнѣ сказывали деревенскіе ребята, что его увезли далеко-далеко и посадили тамъ въ тюрьму. А другіе говорятъ даже, что его убили...

— Нѣтъ... нѣтъ... не вѣрь этому... этого не можетъ быть. Богъ милостивъ и не позволитъ, чтобы вашъ отецъ невинно пострадалъ...

— А знаешь, матушка, говорятъ, отца увезли

за то, будто онъ сказалъ, что мы, хотя и простые крестьяне, приходимся родней русской царицѣ...

Едва только мальчикъ успѣлъ произнести послѣднія слова, какъ страшный крикъ вырвался изъ груди его матери.

Подбѣжавши къ сыну и зажимая ему ротъ рукою, она, пугливо озираясь по сторонамъ, зашептала:

— Молчи, сынокъ... молчи, Ванюша... Ты только погубишь насъ такими словами... Развѣ это можно, чтобы простые крестьяне приходились родственниками царицѣ?... Карлъ не могъ этого сказать... Вѣдь этимъ онъ бы оскорбилъ русскую царицу... Нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани сказать кому-нибудь объ этомъ, сынокъ... Упаси Господь! Схватятъ, засудятъ, въ тюрьму посадятъ, казнятъ, то-есть убьютъ попросту...

— Такъ почему же отца-то отъ насъ увезли?— спросилъ опять мальчикъ. — Вѣдь онъ ни въ чемъ не провинился?

— Не знаю, сынокъ мой, ничего не знаю,— прорыдала несчастная крестьянка.—Помню только, что годъ тому назадъ, въ такой же весенній вечеръ, только не дождливый и ненастный, а

свѣтлый и теплый, пріѣхали въ наше село русскіе солдаты, и заявивъ, что они присланы сюда, къ намъ въ Дагобенъ, по приказанію самой царицы, за вашимъ отцомъ, увезли его съ собою...

— Какъ это страшно, матушка!—весь дрожа при одномъ воспоминаніи о случившемся, произнесъ Ваня.

— Да, ужасно, сынокъ!..

Въ это время кто то сильно постучалъ въ дверь. Мать и сынъ вздрогнули.

— Господи помилуй! Кто это можетъ быть?— прошептала со страхомъ бѣдная женщина, отодвигая тяжелый запоръ у входа въ избу.

II.

МАРТЫНЪ! Ты! Но, Боже мой, что съ тобою?..

Въ горницу ворвался красивый черноглазый мальчикъ. Онъ былъ безъ шапки, и спутанные кудри его бились по стройнымъ дѣтскимъ плечамъ. Кафтанъ распоясался и безпорядочно болтался на его сильной, рослой фигурѣ. Темные, живые глаза горѣли отъ волненія. Блѣдное лицо носило слѣды тревоги...

— Матушка! Намъ грозитъ новая бѣда...—вскричалъ онъ испуганнымъ голосомъ.—Я пасъ помѣщичьихъ свиней на опушкѣ лѣса вблизи нашего Дагобена... и вдругъ... вижу, ѣдетъ цѣлый отрядъ солдатъ... Они направляются прямо

въ нашу деревню... Я хорошо разглядѣлъ ихъ лица. Матушка! Я узналъ ихъ!.. Это тѣ-же солдаты, которые годъ тому назадъ увезли отъ насъ отца... Они опять появились въ Дагобенѣ... Я не знаю зачѣмъ, но мнѣ кажется... я предчувствую .. что-то худое должно случиться съ нами опять... Я бросился бѣжать безъ оглядки, оставивъ стадо у лѣса... Мнѣ страшно за тебя и за Ваню, матушка... Солдаты, навѣрное, пріѣхали за нами... Схватили отца, теперь насъ схватятъ... Надо закрыть дверь, матушка, потушить огонь... Кто знаетъ, можетъ быть, Господь пронесетъ это несчастье, и они проѣдутъ мимо нашего дома.

И говоря это, черноглазый Мартынъ проворно закрылъ дверь, потушилъ лучину и, чутко прислушиваясь, къ тому, что дѣлалось на улицѣ, поминутно смотрѣлъ въ окно.

Но за окномъ все было тихо. Весь Дагобенъ (такое названіе носила деревушка, гдѣ происходило описываемое событіе) очевидно спалъ уже крѣпкимъ сномъ въ этотъ поздній часъ. Ни шороха, ни звука...

III.

Какъ безумная, металась по своей убогой избушкѣ крестьянка, испуганная словами сына. Она то хватала посуду и безъ всякой цѣли разставляла ее, то подбѣгала къ своимъ сыновьямъ и, обнявъ ихъ, прижимала къ себѣ, шепча молитвы. Слезы отчаянія лились изъ ея глазъ. Девятилѣтній Ванюша тоже горько плакалъ, глядя на мать. Лишь Мартынъ угрюмо хмурилъ свои темныя брови и крѣпко сжималъ свои еще дѣтскія руки.

И вдругъ глаза его блеснули твердой рѣшимостью.

— Не бойся, матушка! Я никому не позволю тебя обижать!—произнесъ онъ сурово, какъ

взрослый,—пусть Ваня ложится спать... да и ты тоже ложись... Я лягу у порога и защищу тебя, если явятся враги.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не до спанья сегодня, милый!—прошептала въ отвѣтъ ему его несчастная мать.—Вѣдь каждую минуту сюда могутъ явиться солдаты...

Она не договорила... Ясно и гулко донесся до ихъ слуха топотъ лошадиныхъ копытъ, разомъ нарушившій мертвую тишину дагобенской улицы.

— Господи Боже!—въ ужасѣ вскричала Марія,—это они! Мы пропали, дѣти! Они сію минуту ворвутся къ намъ...

И она упала на колѣни посреди избы, крѣпко прижимая къ груди своихъ сыновей. Слезы обильно струились по испуганному личику Ивана, въ то время, какъ Мартынъ, сжимая кулаки и сердито нахмуривъ брови, внимательно глядѣлъ на дверь...

Этотъ смѣлый, отважный мальчикъ рѣшилъ во что бы то ни стало защитить мать и брата отъ грозящей имъ опасности.

Между тѣмъ, ясно послышались отдѣльные звуки, возгласы... Еще минута, другая, и силь-

ный ударъ въ дверь потрясъ ветхую избушку всю до основанія.

— Эй, кто тамъ? Открывай живѣе!—послышались голоса за порогомъ.

— Мы погибли!—прошептала въ ужасѣ крестьянка, еще крѣпче прижимая къ себѣ своихъ сыновей.

— Слышишь, отворяй скорѣе!—прокричалъ грубый голосъ за дверью,—а то мы разнесемъ вашу хату!

И снова посыпались удары одинъ за другимъ. Ветхая дверь не выдержала, затрещала и тяжело рухнула на полъ.

Въ ту же минуту шесть вооруженныхъ солдатъ ворвались въ горницу. Впереди всѣхъ находился сержантъ, начальникъ отряда.

— Ты Марія Скавронская?—обратился онъ къ испуганной хозяйкѣ.

Та хотѣла отвѣтить и не могла. Страхъ, ужасъ, отчаяніе сковали уста несчастной женщины. Въ ту-же минуту черноглазый мальчикъ выскочилъ впередъ и, весь пылая гнѣвомъ, крикнулъ сержанту:

— Не трогай мою мать, господинъ. Я никому не позволю ее обижать. Вы взяли отъ насъ

отца и думаете, что теперь матушка беззащитна? Нѣтъ, пока живъ я — Мартынъ Скавронскій, никто не посмѣетъ обидѣть ее!..

— Вотъ такъ защитникъ!—грубо расхохотался сержантъ,—самого отъ земли едва видно, а туда-же. Связать его!...—коротко приказалъ онъ солдатамъ.

Двое изъ нихъ бросились къ мальчику, и въ тотъ же мигъ Мартынъ почувствовалъ себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ.

Остальные солдаты, исполняя приказаніе своего начальника, подошли къ крестьянкѣ и младшему ея сыну и, схвативъ ихъ за руки, потащили вонъ изъ избы.

— Куда вы ведете насъ?—прерывающимся голосомъ вскричала Марія, въ то время какъ Мартынъ дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы сорвать съ рукъ туго охватывающія ихъ веревки.

— Намъ приказано доставить васъ всѣхъ къ главному начальнику здѣшняго края, князю Рѣпнину,—отвѣтилъ сержантъ.—А больше мы ничего не знаемъ... Говорятъ, сама царица велѣла, чтобы вы были доставлены къ князю... Мы ослушаться не можемъ... Наше дѣло—исполнить приказъ.

Въ горницу ворвались шесть вооруженныхъ солдатъ...

У крыльца стояла крытая кибитка. Въ нее усадили маленькую семью и повезли по улицѣ Дагобена, гдѣ было тихо и спокойно попрежнему, и никто не зналъ о бѣдѣ, случившейся въ эту ночь съ бѣдной Маріей Скавронской такъ звали крестьянку) и ея двумя сыновьями.

IV.

НЕДѢЛЮ спустя послѣ того, какъ изъ маленькой деревушки Дагобенъ была увезена крестьянка съ двумя сыновьями, въ одной изъ пышныхъ залъ царскаго дворца въ Петербургѣ происходилъ такой разговоръ:

— Ну, что? Ты исполнилъ, князь, мое приказаніе?

— Все исполнилъ, матушка-государыня... Уже сегодня утромъ, на зарѣ, всѣхъ троихъ привезли къ намъ въ Петербургъ. И, какъ угодно было тебѣ, государыня, никто въ Дагобенѣ не знаетъ, гдѣ они теперь...

— Спасибо, князь, спасибо!

Этотъ разговоръ происходилъ между императрицею Екатериною Алексѣевною и главнымъ ея министромъ и исполнителемъ ея приказаній, свѣтлѣйшимъ княземъ Александромъ Даниловичемъ Меньшиковымъ.

Это было 180 лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ смерти императора Петра Великаго. Незадолго до своей кончины царь заявилъ, что такъ какъ у него нѣтъ сына-наслѣдника, который могъ бы стать царемъ, то онъ желаетъ, чтобы государствомъ управляла, послѣ его кончины, его возлюбленная супруга, царица Екатерина Алексѣевна.

И желаніе царя было исполнено: послѣ смерти Петра, знатные вельможи провозгласили вдову царя русскою императрицею и рѣшили, что она будетъ править государствомъ.

— Ты знаешь, князь,—снова обратилась императрица къ Меньшикову,—что я давно уже хотѣла, чтобы мои родственники находились здѣсь, при мнѣ... Тебѣ вѣдь извѣстно, князь, что по рожденію я такая же простая крестьянка, какъ и всѣ другіе жители Дагобена... Тамъ я родилась, тамъ прошло мое раннее дѣтство... Въ юные годы меня, по бѣдности, отдали въ

семью лютеранскаго священника пастора Глюка. А когда русскія войска заняли нашу Лифляндію, я съ пасторомъ попала въ плѣнъ. Покойный мой великій супругъ, царь Петръ Алексѣевичъ, отличилъ меня и сдѣлалъ своею женою, сдѣлалъ русскою царицею... Онъ могъ выбрать себѣ въ жены знатную принцессу, но предпочелъ меня и не посмотрѣлъ на то, что я родомъ простая крестьянка... И изъ крестьянки и плѣнницы я стала супругой государя. Ставъ царицею, я не забыла, что у меня остались, тамъ, въ деревнѣ, бѣдные родственники. И вотъ я рѣшила, чтобы они были привезены сюда... Но все это приходится дѣлать тайкомъ отъ людей, никто не долженъ пока знать, что у теперешней императрицы Всероссійской есть родственники простые крестьяне... И такъ уже много люди болтаютъ зря о моемъ происхожденіи... А если-бъ ихъ увезли открыто, весь Дагобенъ узналъ-бы, а за нимъ и вся Лифляндія, а этого нельзя. Не хочу я этого...—заключила государыня, строго нахмуривъ свои черныя брови.—А теперь,—произнесла она послѣ минутнаго раздумья,—прикажи, князь, дворцовому начальнику, чтобы онъ позаботился о нашихъ плѣнникахъ...

Пусть ничего не жалѣетъ... Пусть нарядитъ ихъ въ роскошныя платья и дастъ имъ полную свободу гулять по дворцу... Я увижусь съ ними случайно, чтобы не испугать ихъ какъ-нибудь... Ахъ, князь! Радуется мое сердце... Вѣдь родные они мнѣ, брата Карла жена и дѣти... Никого нѣтъ у меня ближе ихъ на свѣтѣ, князь!

На минуту лицо императрицы затуманилось. Точно легкое облачко покрыло его. И вдругъ, снова, оно озарилось чудной, ласковой улыбкой.

— Смотри же, князь, хорошенько распорядись насчетъ моихъ милыхъ плѣнниковъ,—произнесла государыня, протягивая князю руку для поцѣлуя,—я хочу, чтобы роскошью невиданной и почетомъ окружили съ этого дня и мальчиковъ, и ихъ мать и чтобы воспитатели занялись ими, научили ихъ, какъ надо вести себя въ царскомъ дворцѣ и среди вельможъ. Исполнишь это, князь Александръ Даниловичъ?

— Исполню, государыня, все въ точности, согласно твоей волѣ,—почтительно кланяясь отвѣтилъ князь.

— И еще,—прибавила государыня,—скажи,

кому слѣдуетъ, что я обоихъ моихъ плѣнниковъ рѣшила сдѣлать графами. Отнынѣ они должны называться графами Скавронскими, а мать ихъ графинею. Понялъ, князь?

— Понялъ, государыня. Все будетъ исполнено, какъ ты приказать изволила.

И съ новымъ низкимъ поклономъ свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ покинулъ кабинетъ императрицы.

V.

НѢТЪ! Что же это за пытка такая! Заперли въ четырехъ стѣнахъ и морятъ насъ, точно гусей на убой передъ святками... Коли рѣшили казнить, такъ ужъ пускай казнятъ, только бы скорѣе... А то нѣтъ силъ сидѣть здѣсь дольше, ожидать.

Такъ сердитымъ голосомъ говорилъ 12-лѣтній Мартынъ Скавронскій, бѣгая по большой свѣтлой горницѣ, точно маленькій львенокъ, запертый въ клѣтку. Его мать сидѣла въ углу на лавкѣ, сложивъ руки.

Съ тѣхъ поръ, какъ ее, съ двумя ея сыновьями, увезли изъ Дагобена, она почти все время проводила въ молитвѣ, со страхомъ ожи-

дая, что, не сегодня—завтра, ее разлучатъ съ ея дѣтьми.

Изъ Дагобена всѣхъ троихъ повезли прямо въ городъ Ригу, гдѣ начальникъ края, князь Рѣпнинъ, велѣлъ ихъ привести къ себѣ.

— Васъ зовутъ Марія Скавронская?—спросилъ онъ сухо.

— Да,—чуть слышно отвѣчала бѣдная крестьянка.

— А тебя—Мартынъ Скавронскій?—спросилъ князь, обращаясь къ старшему мальчику.

— Да, меня зовутъ Мартынъ Скавронскій, а моего младшаго брата—Иванъ Скавронскій, и мы,—прибавилъ смѣло спрошенный,—никакой вины за собой не знаемъ, и ни въ чемъ не провинились... За что-же насъ увезли изъ Дагобена?

— Это вы узнаете въ Петербургѣ, куда велѣла васъ привезти сама императрица,—отвѣтилъ князь Рѣпнинъ.—Кстати,—прибавилъ онъ,—не помните ли, была у вашего отца сестра?...

— Какъ же, была, только мы ее не помнимъ... Она...—и Мартынъ хотѣлъ было еще что-то прибавить, но мать въ испугѣ быстро подскочила къ нему и закрыла ему ротъ рукою.

— Молчи, Мартынъ!—крикнула она,—ты погубишь насъ всѣхъ!..

Князь Рѣпнинъ больше не разспрашивалъ. Онъ велѣлъ лишь въ тотъ же день приготовить дорожную колымагу и приказалъ солдатамъ отвезти Марію Скавронскую и ея сыновей въ Петербургъ „подъ крѣпкимъ карауломъ“ и по дорогѣ не разговаривать съ ними, не спрашивать ихъ ни о чемъ.

Дорога длилась долго-долго, несмотря на то, что вездѣ по пути уже знали, что по повелѣнію самой царицы везутъ въ Петербургъ какихъ-то крестьянскихъ мальчиковъ и что сама императрица приказала, чтобы везли ихъ какъ можно скорѣе.

Но вотъ, они прибыли и въ Петербургъ. Ихъ помѣстили въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ дворца, поставивъ у дверей на стражѣ чуть не цѣлый десятокъ солдатъ.

Дни проходили за днями,—но къ нимъ никто не приходилъ, кромѣ стараго, глухого привратника, приносившаго имъ ѣду, и который на всѣ вопросы отвѣчалъ: „не слышу!“

Съ каждымъ днемъ сердце Маріи Скавронской сжималось все болѣе и болѣе въ страхѣ

за участь ея дѣтей, а голова была наполнена самыми тяжелыми и печальными мыслями. Бѣдная женщина уже рѣшила, что не сегодня-завтра и ее, и ея дорогихъ мальчиковъ поведутъ на казнь, хотя ровно никакой вины за собой не знала.

Какъ-то разъ утромъ, у дверей комнаты, въ которой сидѣла Марія и ея сыновья, раздался легкій стукъ. Марія и ея младшій сынъ вздрогнули и прижались одинъ къ другому.

— Это ужъ, навѣрно, пришли за нами, чтобы вести насъ на смерть!—сказалъ Мартынъ.—Но не бойся ничего, матушка. Мы съ братомъ умремъ, какъ честные, храбрые люди,—произнесъ онъ твердымъ голосомъ, съ пылающими глазами.

Дверь горницы, гдѣ находились оба мальчика и ихъ мать, распахнулась, и неслышно ступая по мягкимъ коврамъ, вошелъ человѣкъ въ нарядномъ, обшитомъ позументами, нѣмецкомъ кафтанѣ, въ сѣдомъ парикѣ на головѣ. У него было очень важное лицо. За нимъ двое людей, одѣтыхъ точно такъ же, внесли огромный ящикъ и поставили его посреди комнаты.

При видѣ этихъ важныхъ, нарядныхъ господъ Марія Скавронская быстро встала со своего

мѣста и низко поклонилась имъ, по-крестьянски, въ поясъ. Сыновья ея послѣдовали примѣру матери. Каково-же было ихъ изумленіе, когда трое важныхъ господъ, выстроившись въ рядъ, отвѣсили и имъ, въ свою очередь, такой низкій поклонъ, какимъ кланяются только очень знатнымъ особамъ. Марія рѣшила, что важные господа захотѣли посмѣяться надъ бѣдными плѣнниками. Испуганная, она поклонилась еще ниже, чтобы какъ-нибудь умилостивить важныхъ господъ.

Люди въ шитыхъ кафтанахъ снова отвѣтили новымъ поклономъ и на этотъ разъ еще болѣе низкимъ, такимъ низкимъ, что ихъ бѣлые парики чуть-чуть что не коснулись пола.

VI.

СКАВРОНСКАЯ и ея сыновья стояли какъ громомъ пораженные. Они не знали, что подумать... Такъ издѣваться надъ бѣдными плѣнниками! Это было ужасно! И, чтобы умилостивить своихъ мучителей, несчастная Марія начала отвѣшивать поклонъ за поклономъ, все ниже и ниже, ни на минуту не останавливаясь, шепнувъ дѣлать то же обоимъ сыновьямъ. Но къ ужасу крестьянки, вошедшіе господа отвѣчали ей еще болѣе низкими и почтительными поклонами.

Наконецъ, Марія не выдержала.

— Добрые господа!—вскричала она голосомъ, въ которомъ слышались рыданія.—Не издѣвай-

тесь надо мною, если въ сердцѣ вашемъ есть капля жалости ко мнѣ и къ моимъ несчастнымъ сиротамъ. Если уже рѣшено вести насъ на казнь, то ведите насъ, только не томите больше! Не смѣйтесь надъ нами, милостивые господа!

И она тяжело рухнула въ ноги старшему изъ вельможъ, какъ мысленно назвала людей въ шитыхъ кафтанахъ

— На казнь!? Господь съ тобою, матушка-графиня! — послышался надъ нею испуганный голосъ, и всѣ трое людей въ кафтанахъ со всѣхъ ногъ бросились поднимать ее съ полу.

— Графиня? Какая графиня? — испуганно и растерянно прошептала Скавронская, оглядываясь во всѣ стороны.—Гдѣ ты ее видишь, милостивый господинъ?

— Матушка, ваше сіятельство, вы то сами и изволите быть графиней... а мы не господа, не извольте насъ называть такъ... Мы только придворные лакеи и пришли, по приказу его свѣтлости князя Меньшикова, служить ихъ сіятельствамъ, молодымъ графчикамъ. Къ вамъ-же сейчасъ явятся дѣвушки-камеристки и проведутъ васъ въ ваши аппартаменты! — сказалъ старшій изъ людей, снова отвѣсивъ низкій поклонъ Скавронской.

На этотъ разъ испуганная крестьянка даже не поклонилась ему въ отвѣтъ. Страхъ на лицѣ ея смѣнился самымъ крайнимъ удивленіемъ. Широко раскрытыми глазами смотрѣла она на троихъ странныхъ господъ, въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ и ничего не говорила.

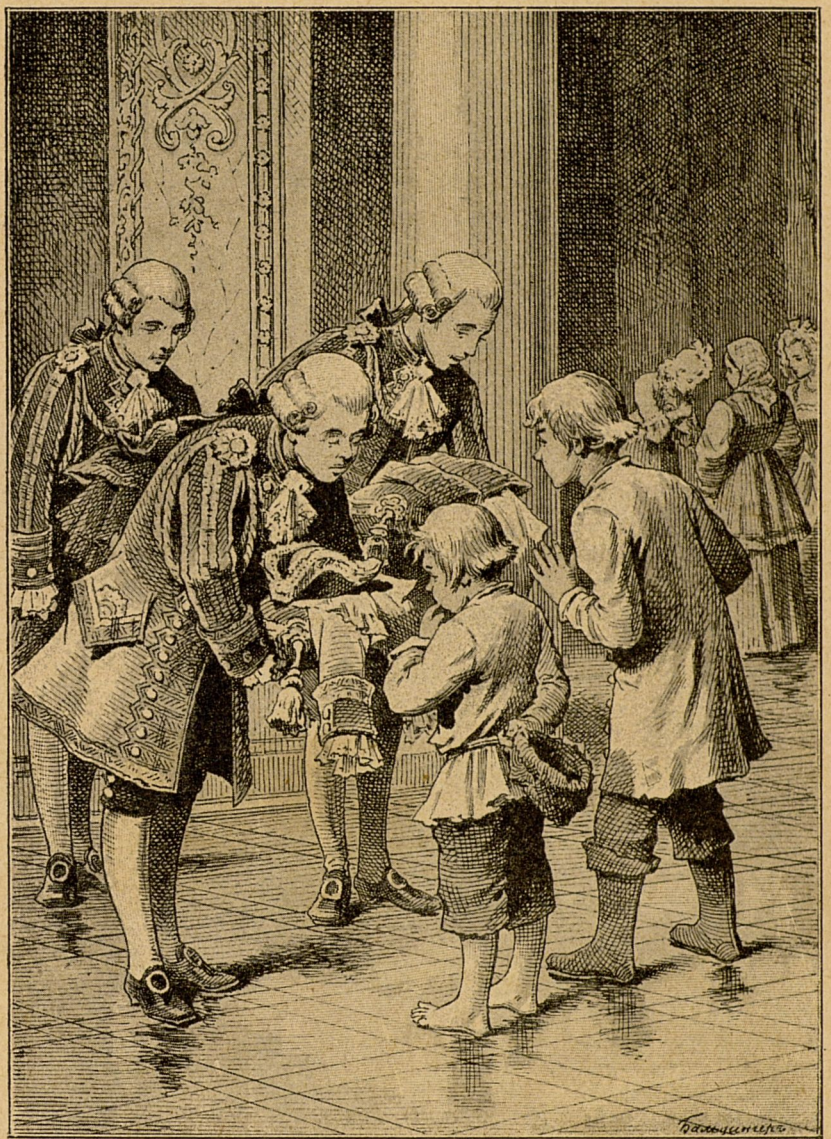
Въ ту же минуту, какъ въ сказкѣ, появились двѣ пышно одѣтыя въ нарядныя платья дамы, которыя съ глубокими поклонами и присѣданіями подошли къ Скавронской и почтительно поцѣловали руку у растерявшейся въ конецъ женщины.

— Ваше сіятельство! Не угодно-ли слѣдовать за нами? Мы покажемъ вамъ ваши аппартаменты и одѣнемъ васъ, какъ подобаетъ вашему высокому званію.

И, взявъ подъ руки совершенно растерявшуюся Скавронскую, дамы почтительно повели ее изъ горницы.

— А вы, ваши сіятельства, молодые графы,— обратился въ то же время къ Мартыну и его брату старшій изъ лакеевъ,—извольте одѣться въ ваше парадное платье, присланное сюда его сіятельствомъ господиномъ обергофмейстеромъ двора...

— Ба! Вотъ такъ штука, слышишь, Ваня?



А вы, ваши сіятельства, извольте одѣться въ парадное платье...

Вмѣсто казни, да прямо въ графы!—вскричалъ Мартынъ, разомъ оживившись и запрыгалъ по горницѣ, хлопая въ ладоши.—Это мнѣ нравится!.. Ужасно нравится, признаюсь! Открывайте-же ваши сундуки, сударь, и показывайте намъ, что за наряды вы принесли съ собою!

И онъ такъ звонко ударилъ въ ладоши подъ самое ухо лакея, что чуть было не оглушилъ послѣдняго.

— А графчикъ-то, кажется, изъ веселыхъ?— подмигнулъ одинъ слуга другому.

— Онъ похожъ, какъ двѣ капли воды, на матушку, государыню—шопотомъ отвѣчалъ тотъ.

VII.

МЕЖДУ тѣмъ, изъ огромнаго ящика были вынуты два нарядные дѣтскіе кафтана съ дорогимъ золотымъ шитьемъ, нѣмецкаго покроя, какіе носили въ то время дѣти знатныхъ вельможъ, богатыя шаровары, нарядныя треуголки, шпаги и сапоги изъ тончайшей сафьяновой кожи. Ничего не было забыто; даже бѣлые парики (которые въ то время носили вельможи) лежали поверхъ пышныхъ костюмовъ.

Вмигъ оба мальчика преобразились. Изъ маленькихъ грязныхъ крестьянскихъ ребятишекъ они обратились въ красивыхъ нарядныхъ куколокъ. Если бы мать увидѣла ихъ сейчасъ, она едва-ли бы узнала своихъ сыновей.

Оба мальчика были сами не свои отъ радости. Они поминутно ощупывали свои костюмы, дергали за кафтаны одинъ другого и не могли въ достаточной мѣрѣ налюбоваться своимъ нарядомъ.

Когда одѣванье приходило уже къ концу, дверь пріотворилась и въ щель ея просунулась черномазая, смѣшливая рожица стараго, сморщеннаго, маленькаго человѣчка.

— Ба! Это что за обезьяна?—безцеремонно тыкая чуть-ли не въ самое лицо вошедшаго, спросилъ Мартынъ.

— Тише, ваше сіятельство... не извольте говорить такъ,—произнесъ испуганнымъ голосомъ старшій изъ слугъ.

— Ты то же лакей, что-ли?—не унимался тотъ нисколько и, набравшись смѣлости, съ самымъ непринужденнымъ видомъ подошелъ къ черномазому человѣку.

— О! но! Я учитель... Я танцмейстеръ цесаревны Елизабетъ Петровны! — закартавилъ тотъ,—я пришла учить ваши сіятельства танцовальный премудрость...

— Учить танцамъ? понимаю. Но почему же ты такой черный?—не унимался Мартынъ.

— Я итальянецъ!—отвѣтилъ Мартыну маленькій человѣчекъ во фракѣ.

— Итальянецъ???—съ удивленіемъ переспросилъ тотъ.—А развѣ итальянцы всѣ такіе черномазые?

Лакеи, къ которымъ Мартынъ обратился съ послѣднимъ вопросомъ, незамѣтно фыркнули, отвернувшись изъ приличія въ сторону.

Иванъ дернулъ за руку брата.

— Тише, Мартенька,—прошепталъ онъ,—чего добраго, осерчаютъ на насъ и прогонятъ! И платье велятъ скинуть и отдать обратно. Долго-ли до бѣды.

— Ну, ужъ платье не отдамъ! Дудки! Коли надѣли его на меня, такъ прощайтесь съ нимъ!—весело вскричалъ Мартынъ.—Кто же тебя прислалъ учить насъ? — обратился онъ къ итальянцу.

— Мнѣ сама императрица велѣла васъ учить, господа маленькіе графы,—отвѣтилъ итальянецъ.

— А какимъ же ты будешь насъ учить танцамъ, итальянецъ?—снова обратился мальчикъ къ черномазому человѣчку.

— Я буду васъ, мой маленькій графъ, учить не только танцамъ. Сначала я буду учить, какъ

должны кланяться такіе знатные господа, какъ маленькіе графы, какъ надо ходить, какъ надо голову держать... — отвѣчалъ тотъ.

— Вотъ такъ штука!—весело расхохотался Мартынъ.—Да неужто я грудной ребенокъ, что меня учить ходить надо?... А кланяться я и безъ тебя умѣю. Вонъ спросите этихъ,—кивнулъ онъ въ сторону лакеевъ,—я имъ такъ кланялся только-что, что чуть голову себѣ не оторвалъ.

— Но... но не такъ кланялись какъ надо,— залепеталъ снова танцмейстеръ.

— Какъ надо! Ишь ты, мудрость какая, подумаешь! Ужъ мы не вовсе деревенщина... понимаемъ какъ кланяться-то... не дураки!—обидѣлся было мальчикъ.

И вдругъ глаза его блеснули лукавствомъ.

— А ну-ка, покажи, какъ кланяться надо по вашему-то. Можетъ я и сумѣю!—весело и лукаво поблескивая глазами, обратился Мартынъ къ итальянцу.

Итальянецъ усиленно закивалъ головою въ знакъ согласія и, отойдя назадъ, сдѣлалъ прыжокъ и подпрыгнулъ въ воздухѣ, какъ резиновый мячикъ, производя въ то же время ка-

кую-то необъяснимую гимнастику обѣими ногами. Потомъ онъ весь изогнулся, какъ змѣя, и, касаясь шляпою самаго пола, отвѣсилъ ловкій, вычурный поклонъ передъ обоими мальчиками, разинувшими ротъ отъ изумленія.

— Го-го-го-го! Ишь ты! Вотъ такъ штука!— захохоталъ раскатисто Мартынъ.—Го-го-го-го! Не могу больше! Го-го-го-го!! лопну! Ей-Богу же лопну!

Онъ бросился ничкомъ на полъ и хохоталъ что было силъ.

— Ой! ой! уморилъ ты меня совсѣмъ, итальянецъ!—кричалъ онъ.

Слуги, глядя на веселаго графчика, тоже едва удерживались отъ смѣха.

И вдругъ Мартынъ, вскочивъ на ноги, выбѣжалъ на середину комнаты. Вся его фигурка точно говорила: „Чѣмъ я хуже тебя въ самомъ дѣлѣ! Думаешь не сумѣю? А вотъ сейчасъ покажу...“

Онъ пріосанился, сдѣлалъ серьезное лицо. Потомъ вытянулся, какъ стрѣла, сдѣлалъ прыжокъ и изогнувшись въ три погибели, не хуже итальянца, задрыгалъ ногами.

Но, къ ужасу своему, Мартынъ не разсчиталъ

движенія и концомъ ноги угодилъ прямо въ тощій животъ итальянца.

Тотъ неистово взвизгнулъ и отпрянулъ назадъ. Мартынъ, уже не будучи въ состояніи остановить прыжка, со всего размаха налетѣлъ на итальянца. Кудрявая, вихрастая голова Мартына изо всей силы стукнулась о черномазую голову почтеннаго танцмейстера. И въ ту же минуту и учитель, и ученикъ полетѣли кубаремъ прямо подъ ноги застывшихъ на мѣстѣ отъ неожиданности лакеевъ.

— Го-го! Го-го! Го-го!..—не то хохоталъ, не то ржалъ Мартынъ,—слабыя же у тебя ноги, итальянецъ!—и въ то же время усиленно потиралъ руками огромную шишку, разомъ успѣвшую вскочить у него на лбу. Точно такое же украшеніе появилось и на смугломъ лицѣ итальянца, только съ противоположной стороны.

— Ой-ой!...—простоналъ итальянецъ,—у вашего сіятельства, молодой графъ, очень дурной манеръ! И я буду жаловаться самой царицѣ, что маленькій графчикъ большой проказникъ!

— Ты не сердись, итальянецъ,—спокойно сказалъ Мартынъ, все еще потирая шишку,—я это сдѣлалъ не нарочно... Вѣдь когда я пасъ

свиней въ Дагобенѣ, тѣ не требовали отъ меня умѣнья ходить на цыпочкахъ и прыгать выше головы... За то онѣ, свиньи-то, были въ лучшемъ видѣ... толстыя, жирныя! Куда толще тебя!—ткнулъ онъ снова пальцемъ въ тощую фигуру итальянца.

— О, молодой графъ, какъ вы плохо воспитаны!—произнесъ итальянецъ, съ ужасомъ поднимая глаза къ небу.—Нѣтъ, вы даже совсѣмъ не воспитаны... Развѣ можно такъ говорить: сравнивать благороднаго человѣка со свиньею! Пфуй! пфуй! Васъ надо непремѣнно научить, какъ нужно себя вести и о чемъ говорить... Вы теперь должны забыть про ваши свиньи, потому что вы больше не простой крестьянскій мальчикъ, а настоящій графчикъ...

- - Ну, знаешь, итальянецъ, хоть ты меня считаешь и графчикомъ, а моихъ свиней ты не обижай,—отвѣтилъ Мартынъ и прибавилъ:—какъ то разъ одинъ мальчуганъ въ Дагобенѣ началъ смѣяться надъ нашими свиньями, такъ я его...

— Ваше сіятельство! Ваше сіятельство, не угодно ли вамъ съ братцемъ прогуляться по дворцу?—поторопился предложить Мартыну ста-

рый слуга, боясь навлечь на него еще большій гнѣвъ итальянца.

— Какъ, мы можемъ уйти отсюда?—обрадовался Мартынъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, быстро схватилъ за руку братишку.— Пойдемъ, Ваня, отыщемъ матушку и покажемся ей. Она, чай, и не узнаетъ насъ въ такомъ нарядѣ,—и онъ со всѣхъ ногъ выбѣжалъ изъ горницы, увлекая за собою младшаго брата.

VIII.

ВОТЪ такъ палаты!—восклицали мальчики проходя по богатымъ комнатамъ дворца. Они шли, тѣсно прижавшись одинъ къ другому, съ изумленіемъ разглядывая всю эту невиданную ими до сихъ поръ обстановку. Никогда имъ и во снѣ не снилась такая роскошь. Всюду ковры, картины, золотыя кресла, бархатные диваны, люстры... Странно было одно: никто, кромѣ слугъ, не попадался имъ навстрѣчу; за то слугъ они встрѣчали теперь спокойно и свыкнувшись вполнѣ съ ихъ великолѣпнымъ видомъ не кланялись уже имъ, какъ прежде.

Такъ прошли они три дворцовыя залы и вдругъ въ четвертой увидѣли приближающихся

къ нимъ навстрѣчу двухъ прелестныхъ, нарядно одѣтыхъ мальчиковъ, одного возраста съ ними.

— Гляди-ка, какіе красавчики!—сказалъ Мартынъ брату, указывая пальцемъ на обоихъ незнакомцевъ, которые находились теперь всего въ двухъ или трехъ шагахъ отъ нихъ.

Мальчики были роскошно одѣты въ пышные, яркіе костюмы и пудреные парики точно такъ же, какъ и оба маленькіе графчика.

— Славные ребята, не правда-ли?—продолжалъ Мартынъ.—Хочешь, поиграемъ немного съ ними?

— Хочу!—согласился немедленно Ваня, привыкнувъ во всемъ слушаться Мартына.

— Эй вы, бѣлоголовые! Хотите играть съ нами?—крикнулъ Мартынъ во всю глотку, ужасно разѣвая ротъ, какъ кричалъ онъ обыкновенно, когда пасъ своихъ свиней въ Дагобенѣ.

И онъ остановился въ двухъ шагахъ отъ мальчиковъ, ожидая отъ нихъ отвѣта.

Тѣ тоже остановились и глядѣли на маленькихъ мужичковъ-графовъ во всѣ глаза.

Наступила продолжительная пауза.

— Да что вы, глухіе, что ли?—еще громче закричалъ Мартынъ.

Новое молчаніе было ему отвѣтомъ.

— Ты не кричи такъ на нихъ!—произнесъ Иванъ брату на ухо.—Видишь, какіе они важные господа и должно быть привыкли къ болѣе вѣжливому обращенію. Попроси-ка ихъ хорошенько...

— Твоя правда!—согласился Мартынъ.—Милостивые господа, не изволите-ли поиграть съ нами?—произнесъ онъ и низко поклонился, стараясь сдѣлать поклонъ точно такъ же, какъ показывалъ ему итальянецъ, но это вышло у него порядочно-таки неуклюже.

Мальчики-незнакомцы отвѣтили точно такимъ-же неуклюжимъ поклономъ, но опять-таки ни слова не сказали въ отвѣтъ.

Мартынъ сердито почесалъ у себя за ухомъ.

Одинъ изъ мальчиковъ-незнакомцевъ точно также почесалъ у себя за ухомъ.

— Вишь ты! Дразниться вздумали... кланяются-то какъ!—подтолкнулъ онъ брата,—будто не умѣютъ... Ишь вѣдь!..

— А можетъ и впрямь не умѣютъ, Мартынушка...—заступился за мальчиковъ Ваня.

— Какъ-же! повѣрю я... Такіе важные господа и чтобы не умѣли!.. Просто дразнятся,—

проворчалъ Мартынъ, сдѣлалъ сердитое лицо и большимъ пальцемъ лѣвой руки пренебрежительно указалъ на незнакомыхъ мальчиковъ.

Каково же было его изумленіе, когда старшій изъ нарядныхъ мальчиковъ-незнакомцевъ сдѣлалъ такое же сердитое лицо, какъ и Мартынъ и точно такой же жестъ пальцемъ.

Мартынъ вскипѣлъ.

— Ага! Да ты и впрямь смѣешься,—произнесъ онъ, обращаясь къ нарядному мальчику.— Ты думаешь, что мы простые мужики, такъ надъ нами можно смѣяться. Нѣтъ, голубчикъ! Мы не позволимъ смѣяться надъ нами,—и, окончательно выйдя изъ себя, Мартынъ, прежде чѣмъ Ваня остановилъ его, высунулъ языкъ насмѣшнику-незнакомцу.

Послѣдній къ величайшему удивленію мальчиковъ самымъ спокойнѣйшимъ образомъ отвѣтилъ тѣмъ-же, то-есть, насколько было мочи, высунулъ языкъ и показалъ его Мартыну.

Тогда, не помня себя, Мартынъ бросилъ на полъ шляпу, которую держалъ въ рукѣ, поднялъ кулаки и погрозилъ своему врагу.

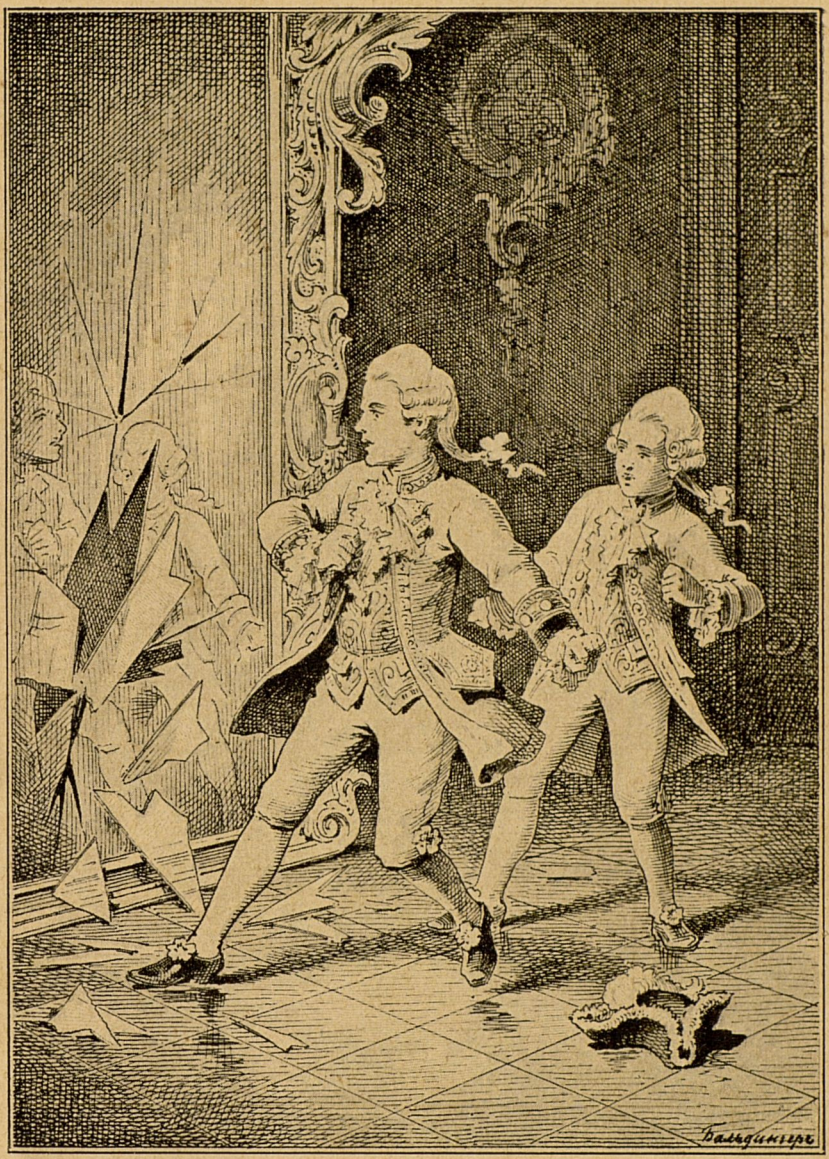
И въ тотъ же мигъ врагъ, бросивъ шляпу, погрозилъ точно такъ-же Мартыну.

Это уже было слишкомъ! Маленькій мужичокъ-графъ вышелъ изъ себя, оттолкнулъ брата, удерживавшаго его всѣми силами отъ драки, и со всѣхъ ногъ бросился на своего противника съ поднятыми кулаками.

— Вотъ какъ! Ты вздумалъ еще меня передразнивать! — произнесъ онъ сердито, — такъ вотъ тебѣ...

Дзинь! Дзинь! Дзинь! На полъ полетѣли куски блестящаго стекла...

Громкій, пронзительный крикъ вырвался изъ груди Мартына.



Осколки стекла со звономъ посыпались на полъ...

IX.

КАКЪ только осколки стекла посыпались на полъ, нарядные мальчики-незнакомцы исчезли.

— Что такое, ваше сіятельство, здѣсь приключилось?.. — послышался въ эту же минуту испуганный голосъ, и на порогѣ горницы появился старый слуга. — Ахти, бѣда! Вы разбили зеркало матушки-царицы!..—вскричалъ онъ и, въ отчаяніи, схватился за голову.

— Это не я виноватъ, а вотъ тѣ мальчики,— началъ быстро оправдываться Мартынъ. — Но гдѣ-же гадкіе мальчишки? Куда они дѣвались?

Тутъ лакей сообразилъ, что мальчики, никогда раньше не видавшіе въ деревнѣ зеркала, приняли свои изображенія въ большомъ зер-

калѣ за живыхъ людей. Онъ объяснилъ это Мартыну и Ивану, которые, широко разинувъ рты, смотрѣли на лакея и въ одинъ голосъ спросили:

— А ты не врешь?

— Ха, ха, ха, ха!—послышался вдругъ за ними веселый хохотъ и, быстро обернувшись, оба мальчика увидѣли молоденькую дѣвушку лѣтъ 17-ти, полную, краснощекую и такой красоты, что она показалась имъ ангеломъ, сошедшимъ съ неба. Притомъ она была одѣта съ такой роскошью, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать... Такого платья, такихъ драгоцѣнныхъ уборовъ никогда еще въ жизни не видывали дагобенскіе мальчики.

При видѣ дѣвушки старый лакей отвѣсилъ низкій поклонъ и моментально, по одному знаку ея, скрылся за дверью.

Теперь дѣвушка съ любопытствомъ разглядывала обоихъ мальчиковъ, все еще не переставая смѣяться.

Наконецъ, она замолкла. Быстрыми, легкими шагами она подбѣжала къ Мартыну и, положивъ ему руку на плечо, сказала:

— Что-же ты не здороваешься со мною, черноглазый красавчикъ?

Но черноглазый красавчикъ, не говоря ни слова, поднялъ кулакъ и съ самымъ серьезнымъ видомъ погрозилъ имъ дѣвушкѣ.

— Что ты грозишься, глупый мальчикъ?— еще громче, еще веселѣе смѣясь, вскричала та.

Но съ тѣмъ-же серьезнымъ видомъ, далеко однако не сердитымъ, Мартынъ опустилъ кулакъ и вмѣсто него сдѣлалъ дѣвушкѣ умори-тельнѣйшую гримасу.

Та такъ и покатилась со смѣху.

— Да что съ тобою?—захлебываясь отъ прилива обуявшаго ее хохота, спросила она.—Что ты выкидываешь-то?

— Ну вотъ, отлично. Больше не буду,—не слушая ея насмѣшливаго смѣха, самымъ спокойнымъ тономъ отвѣчалъ Мартынъ.—Теперь я знаю: ты не изъ стекла, и не зеркальная какъ тѣ мальчишки... и не будешь передразнивать меня. Теперь здравствуй!—произнесъ онъ еще болѣе серьезно и протянулъ руку веселой красавицѣ.

На лицѣ дѣвушки заиграла милая, добродушная улыбка.

Она снова засмѣялась на слова Мартына, но тотчасъ же сдержалась и произнесла, ласково погладивъ его по щекѣ:

— На этотъ разъ ты не ошибся. Я не зеркало. Твоя правда... Но не бойся, однако. Тебѣ не достанется. Я скажу государынѣ-царицѣ, что сама разбила ея зеркало... А ты только будь умникомъ впередъ и смотри, не трогай здѣсь ничего руками и не шали. Слышишь?

— Слышу! — отвѣчалъ покорно Мартынъ.— Постараюсь не шалить и ничего не трогать... Но скажи, однако, кто ты и какъ тебя зовутъ?

— Зовутъ меня Лизой! А ты смотри, помни свое обѣщаніе! —погрозила ему лукаво дѣвушка и съ быстротою молніи исчезла за дверью.

И снова маленькіе графчики остались одни.

X.

Пойдемъ, посмотримъ, что будетъ дальше, вонъ въ той горницѣ!—шепнулъ Мартынъ брату, и, взявшись за руки, оба мальчика кинулись бѣгомъ въ просторную, свѣтлую комнату, всю уставленную цвѣтами въ расписныхъ горшкахъ и кадушкахъ. Посреди комнаты былъ сдѣланъ фонтанъ, который билъ подъ самый потолокъ звонкою струею. На окнахъ стояли клѣтки съ диковинными птицами съ розовыми брюшками и зелеными хвостиками. Мальчики подошли было къ одной изъ клѣтокъ, и вдругъ Иванъ дико вскрикнулъ и въ страхѣ закрылъ лицо руками.

У двери горницы стоялъ страшный черный человѣкъ, съ ярко-красными губами, какъ-то

смѣшно выпяченными впередъ, широкимъ, сплющеннымъ носомъ и съ бѣлыми, сверкающими бѣлками глазъ, рѣзко выдѣляющимися среди общей черноты лица и тѣла.

— Это, навѣрное, самъ дьяволъ! Гляди! гляди, какой страшный! — шепталъ, весь дрожа съ головы до ногъ, Ваня, въ страхѣ прижимаясь къ брату. Но тотъ уже во всѣ глаза смотрѣлъ на чернаго человѣка, который стоялъ неподвижно, какъ статуя, и въ свою очередь впивался взглядомъ въ обоихъ мальчугановъ.

Мартынъ смѣло сдѣлалъ шагъ впередъ по направленію къ черному человѣку, въ то время, какъ Ваня, убѣжавъ въ уголъ комнаты, оставался тамъ ни живъ, ни мертвъ.

Съ минуту-другую Мартынъ стоялъ, не двигаясь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ чернаго человѣка и внимательно разглядывалъ невиданное имъ до сихъ поръ зрѣлище.

Вдругъ Мартынъ весело расхохотался:

— Не бойся, Ваня, это не живой человѣкъ, а просто черная кукла... Знатная кукла, что и говорить! Подойди—погляди-ка!

— Ни за что не пойду!—послышался изъ угла испуганный дрожащій голосокъ.—Я боюсь.

— Да онъ и не движется... глядь-ка... Кукла какъ есть! Ахъ, ты, глупенькій!

И, чтобы придать храбрости брату, Мартынъ подбѣжалъ къ нему, схватилъ его за руку и потащилъ къ черному человѣку.

— А вотъ ты сейчасъ убѣдишься, что это просто кукла!..—говорилъ онъ и въ то же время, прежде чѣмъ Ваня успѣлъ сказать что-либо, подскочилъ къ черному человѣку и изо всѣхъ силъ ущипнулъ его за ногу.

Черный человѣкъ ожилъ мгновенно. Короткій, рѣзкій крикъ огласилъ комнату. Черная, словно вымазанная сажей, нога приподнялась и однимъ хорошимъ пинкомъ поддала Мартына такъ, что тотъ сразу очутился въ противоположномъ углу комнаты и растянулся во всю длину.

Лежа на полу, Мартынъ съ глуповато-растерянной улыбкой смотрѣлъ во всѣ глаза на чернаго человѣка и говорилъ съ самымъ сконфуженнымъ видомъ:

— А и впрямь живой... Живой и есть, коли лягается...

— Я говорилъ, я говорилъ тебѣ! А ты не слушалъ!—чуть не умирая со страха лепеталъ

ему, стуча зубами, младшій братъ.—Побѣжимъ-ка отсюда скорѣе, а то онъ, кто его знаетъ, начнетъ лягаться снова. Только надо пробѣжать мимо такъ скоро, чтобы онъ не успѣлъ схватить насъ...

И оба мальчика со страхомъ посмотрѣли въ сторону чернаго человѣка. Но тотъ уже снова точно окаменѣлъ и не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Только черные, какъ угольки, и круглые, какъ вишни, зрачки ходили по бѣлому полю глазного яблока, подобно часовому маятнику, да алыя губы оттопырились еще больше въ веселую насмѣшливую улыбку.

— Вишь ты, смотритъ!—подталкивая Мартына, прошепталъ Ваня.

— Ничего, не бойся! А мы все-таки пробѣжимъ!—также шопотомъ отвѣчалъ тотъ.—Только смотри, не зѣвай. Разъ, два, три!—отсчиталъ Мартынъ.

— Три!—эхомъ повторилъ Ваня. И, не чуя ногъ подъ собою, оба мальчика бросились во всю прыть мимо чернаго человѣка, перескочили порогъ и ворвались, какъ ураганъ, въ слѣдующую горницу.

— Чего вы испугались?—послышался за ними голосъ чернаго человѣка,—я такой же человѣкъ

Они бросились мимо чернаго человѣка...

какъ вы, только кожа у меня черная, потому что я родился въ странѣ, гдѣ солнце очень припекаетъ. Я—арапъ государыни...

Но мальчики не слышали его словъ и бѣжали безъ оглядки.

XI.

ОТЧАЯННЫЙ вопль и звонъ чего то упавшаго на полъ остановилъ бѣжавшихъ мальчиковъ. Передъ ними предстало испуганное на-смерть лицо стараго камердинера. У ногъ послѣдняго лежало опрокинутое блюдо. Все его содержимое валялось на полу, распространяя вокругъ себя теплый паръ и удивительно пріятный запахъ.

— Что вы надѣлали, ваши сіятельства! — съ отчаяніемъ лепеталъ камердинеръ. — Вы изволили наскочить на меня и сбить меня съ ногъ, пока я несъ любимое жаркое государыни... И теперь его нѣтъ! Что мнѣ дѣлать! Что мнѣ дѣлать! Если-бъ вы только знали, что ожидаетъ меня за это!

Но мальчики и не слышали этихъ жалобъ: они такъ и замерли отъ неожиданности передъ лежащимъ у ногъ ихъ кускомъ дичи, распространяющимъ вокругъ себя чудесный запахъ.

Особенно Мартыну пришелся по вкусу этотъ аппетитный запахъ. Онъ подмигнулъ брату и, прежде чѣмъ камердинеръ императрицы могъ остановить его, бросился на полъ по сосѣдству съ опрокинутымъ блюдомъ и принялся уплетать его съ жадностью проголодавшагося волченка.

Ахъ, что это была за странная картина!

Мартынъ подхватывалъ обѣими руками горячіе, обильно смоченные какимъ-то темнымъ, необычайно вкуснымъ соусомъ, куски жаркого и проворно отправлялъ ихъ въ ротъ.

Вскорѣ его нарядный кафтанъ, лицо и даже парикъ покрылись темными пятнами, которыхъ онъ и не замѣтилъ, но которыя придавали ему видъ какой-то пестрой звѣрюшки.

Ваня, съ завистью поглядывая на брата, съ аппетитомъ уплетающаго за обѣ щеки, долго крѣпился. Наконецъ не выдержалъ, и самъ, бухнувшись подлѣ него, сталъ поглощать не хуже Мартына вкусное жаркое.

Увлекшись своей работой, они и не замѣтили, какъ цѣлая толпа лакеевъ окружила ихъ и очнулись только тогда, когда громкій хохотъ раздался за ихъ спинами. Одинъ только старый камердинеръ, тотъ, который несъ злосчастное блюдо съ жаркимъ, не смѣялся и весь блѣдный отъ волненія съ сокрушеннымъ видомъ смотрѣлъ на размазанное на полу кушанье.

— А все-таки, ваши сіятельства, вы должны пожаловать къ обѣду. Такъ велѣла государыня,— говорилъ одинъ изъ лакеевъ.

— Ну, что-жъ, пойдемъ, если непремѣнно хотятъ, чтобы мы еще покушали!—весело произнесъ Мартынъ.

Лакеи опять расхохотались.

Оба мальчика встали красные, перепачканные до неузнаваемости, но безконечно довольные своимъ неожиданнымъ угощеніемъ.

— Ваши сіятельства, господа графы, не угодно ли будетъ помыться и переодѣться?—предложилъ братьямъ одинъ изъ лакеевъ, едва удерживаясь отъ смѣха при видѣ ихъ запятнанныхъ, перепачканныхъ физіономій.

— Если новый костюмъ будетъ такъ-же хорошъ, какъ этотъ, переодѣвайте насъ сколько

угодно,—отвѣчалъ спокойно Мартынъ, облизывая себѣ пальцы.

— Но надо торопиться, ваше сіятельство: скоро доложатъ, что пора обѣдать!—ввернулъ свое слово другой лакей.

— О, что касается этого, то обѣдать я не хочу! Мы уже отлично закусили съ братомъ! Не правда-ли, Ваня?—подтолкнулъ брата Мартынъ.

Четверо лакеевъ почтительно взяли мальчиковъ подъ руки и повели въ приготовленные для нихъ аппартаменты. Тамъ обоихъ мужичковъ-графовъ вымыли, пообчистили и переодѣли въ новое платье.

Мартынъ былъ очень доволенъ новымъ костюмомъ, а еще болѣе случайнымъ пиршествомъ, надѣлавшимъ столько хлопотъ, но пришедшимся ему какъ нельзя болѣе по вкусу.

XII.

О, что за прелестные мальчики! Настоящія картинки! Какъ пріятно имѣть подлѣ себя такихъ куколокъ!—раздавались льстивыя восклицанія въ огромномъ обѣденномъ залѣ, наполненномъ нарядною толпою статсъ-дамъ и придворныхъ, въ золотомъ вышитыхъ мундирахъ, въ ту минуту, какъ оба, вновь пріодѣтые и принаряженные графчика, появились на порогѣ.

Въ концѣ зала въ большомъ креслѣ сидѣла полная, темноглазая дама, возлѣ которой съ одной стороны стояла нарядная, красивая дѣвушка съ веселымъ, привѣтливымъ лицомъ, а съ другой—пышно разодѣтая въ блестящее пла-

тье, дѣлавшее ее неузнаваемой, бывшая дагобенская крестьянка, Марія Скавронская.

Глаза красивой дамы съ нетерпѣніемъ обратились къ двери. Толпа придворныхъ раздвинулась, такъ что дама могла разглядѣть двѣ вновь появившіяся фигурки.

— Славныя у тебя дѣтки, графинюшка!— обратилась она къ стоявшей подлѣ нея, смущенной и трепетной, Маріи Скавронской.

Несмотря на ласковое замѣчаніе полной дамы, Скавронская была очень взволнована. Вотъ-вотъ, казалось ей, придутъ сейчасъ за нею люди и, отнявъ отъ нея обоихъ мальчиковъ, прогонятъ ее изъ дворца и запрутъ въ тюрьму. Поэтому то она и перемѣнилась въ лицѣ, когда полная дама похвалила ея дѣтокъ, которыхъ она сама едва узнавала теперь въ двухъ богато и роскошно наряженныхъ красавчикахъ.

Въ это время Мартынъ, растерявшійся было въ первую минуту при видѣ такого блестящаго общества, разомъ подтянулся.

— Не осрамиться бы теперь!—мысленно произнесъ онъ. Онъ вспомнилъ о поклонахъ, которымъ училъ его утромъ черномазый итальянецъ, и тутъ-же рѣшилъ воспользоваться его

урокомъ. Онъ выпрямился, какъ стрѣла, потомъ изогнулся, точно желая переломиться на двое и, что было силъ, подпрыгнулъ впередъ.

Одна изъ близко стоявшихъ дамъ пронзительно взвизгнула, такъ какъ Мартынъ, шлепнувшись во всю длину, растянулся плашмя на ея нарядномъ шлейфѣ. Шлейфъ трещалъ, грозя оторваться, а Мартынъ все запутывался и запутывался въ немъ среди цѣлаго облака кружевъ, лентъ и волановъ.

Дама чуть не упала въ обморокъ при видѣ того, какъ въ разныя стороны летѣли клочья ея кружевъ и лентъ... Двое придворныхъ вельможъ кинулись къ ней на выручку и освободили ее наконецъ отъ барахтавшагося руками и ногами на подолѣ ея платья мужичка-графа.

Почувствовавъ себя на свободѣ, Мартынъ, нимало не сконфуженный своей первой неудачей, быстро оглянулся кругомъ и вдругъ громко, радостно крикнулъ:

— Гляди-ка, Ваня! Вонъ стоитъ наша матушка!

И, со всѣхъ ногъ кинувшись къ Скавронской, (которую онъ только теперь узналъ), онъ повисъ у нея на шеѣ.

— Я узналъ тебя! Я узналъ тебя!—кричалъ онъ неистово, оглушая всѣхъ близстоявшихъ своимъ звонкимъ, сильнымъ голосомъ.—Я сразу тебя узналъ, матушка, несмотря на то, что ты въ этомъ богатомъ нарядѣ очень измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я пасъ свиней въ Дагобенѣ!

— Тише! Тише, сынокъ!—прошептала въ испугѣ Скавронская, услыша насмѣшливый шопотъ за своими плечами.

— Зачѣмъ тише? Почему тише?—ничуть не понижая своего голоса, прокричалъ Мартынъ.—Развѣ тутъ есть что-нибудь дурное, что я былъ свинопасомъ и кормилъ тебя съ братомъ послѣ того, какъ отъ насъ увезли отца?

— Тутъ нѣтъ ничего дурного, малютка!—послышался ласковый голосъ полной дамы,—и только дѣлаетъ тебѣ честь, что ты своимъ трудомъ помогалъ твоимъ близкимъ. Молодецъ!.. Когда императрица узнаетъ объ этомъ, она наградитъ тебя...

— Ахъ, нѣтъ!—искренно вырвалось изъ груди мальчика.

— Какъ нѣтъ? — нахмуривъ свои темныя брови, спросила полная дама.

— Да за что же меня награждать?—отвѣтилъ Мартынъ.—Я люблю матушку и Ваню и работалъ на нихъ, потому что кто-же прокормилъ-бы ихъ безъ меня?.. Значитъ, награждать меня не за что...

— Милый графчикъ,—сказала полная дама,—государыня настолько добра, что всегда награждаетъ добрыхъ, хорошихъ людей.

— О, она вовсе не добрая!—вскричалъ Мартынъ съ невольной горячностью,—совсѣмъ она не добрая, а жестокая...

При этихъ словахъ Мартына ужасъ выразился на лицахъ всѣхъ присутствующихъ въ комнатѣ.

И не успѣлъ онъ докончить своей фразы, какъ вокругъ воцарилась полная тишина... Замолкли нарядныя дамы, замолкли вельможи, остановились, словно замерли на мѣстѣ, лакеи, то и дѣло сновавшіе позади гостей.

Марія Скавронская, блѣдная какъ смерть, бросилась къ сыну и какъ-бы заслонила его отъ готоваго обрушиться удара.

И только одинъ человѣкъ въ этомъ, наполненномъ гостями, залѣ остался невозмутимъ. Красивая полная дама сохранила свою спокой-

ную позу. Ея кроткое милое лицо казалось снисходительнымъ попрежнему. Глядя съ улыбкой въ юное энергичное личико Мартына, она спросила:

— Почему-же ты находишь государыню недоброй? На какомъ основаніи ты называешь ее жестокой? Чѣмъ заслужила твое неудовольствіе царица?

На одну минуту оживленное лицо Мартына приняло грустное, мрачное выраженіе.

— Царица велѣла увезти отъ насъ нашего батюшку, разлучила его съ нами,—произнесъ онъ печальнымъ голосомъ,—хотя батюшка ни въ чемъ и не провинился... А развѣ она поступила бы такъ, если бы была добрая?

Лицо полной дамы нахмурилось. Долгимъ серьезнымъ взглядомъ она посмотрѣла на стоявшаго передъ нею мальчика и задумчиво произнесла:

— Прежде, чѣмъ осуждать кого-нибудь, мой милый, надо хорошенько узнать его... А ты вѣдь никогда и не видѣлъ еще государыни?

— Никогда не видѣлъ!—чистосердечно сознался Мартынъ.

— Ну вотъ, когда увидишь ее, то поймешь,

что она далеко не такая злая, какъ ты о ней думаешь.

И, сказавъ это, она подала знакъ рукою.

Въ тотъ же мигъ изъ толпы придворныхъ словно вынырнулъ высокій, видный вельможа съ золотымъ жезломъ въ рукахъ. Онъ ударилъ три раза объ полъ своею палицей и провозгласилъ на всю горницу:

— Кушать подано! По приглашенію ея величества, государыни императрицы, приглашаю всѣхъ сѣсть за столъ!

XIII.

НАРЯДНЫЯ барыни, съ ихъ не менѣе нарядными кавалерами, встали въ пары. Блестящій вельможа подошелъ къ полной дамѣ, и она объ руку съ нимъ двинулась къ длинному столу, убранному съ такой невиданной роскошью, что у Мартына и Вани голова пошла кругомъ

Обоихъ маленькихъ графчиковъ посадили рядомъ, а по обѣ стороны ихъ помѣстились двое очень важныхъ на видъ сановниковъ. Марія Скавронская очутилась далеко отъ своихъ сыновей, окруженная блестящей толпою придворныхъ красавицъ. Прямо противъ Мартына помѣстилась темноглазая дама, съ которою онъ только-что

разговаривалъ передъ обѣдомъ, а рядомъ съ ней—красивая, нарядная дѣвушка, которую Мартынъ съ Ваней не замѣтили въ первую минуту появленія ихъ здѣсь.

Важный, полный сановникъ, котораго лакеи называли „его превосходительствомъ, господиномъ оберъ-гофмейстеромъ двора“, снова ударилъ своимъ жезломъ объ полъ, и лакеи стали обносить обѣдавшихъ различнаго рода кушаньями. Въ первую очередь подали всевозможные пироги и караваи. Нарядные кавалеры и дамы осторожно накладывали себѣ на тарелки дымящійся курникъ, растегаи съ дичью, подовыя лепешки съ начинкою, и самымъ изящнымъ образомъ, при помощи ножа и вилки, разрѣзали ихъ и осторожно отправляли въ ротъ. Каково-же было ихъ удивленіе, когда дошла очередь до Мартына и тотъ, нисколько не стѣсняясь, схватилъ съ блюда прямо руками огромный кусокъ жирнаго пирога съ начинкой и тяжело плюхнулъ его себѣ на тарелку, потомъ снова запустилъ руку въ оставшійся на блюдѣ пирогъ и стащилъ другой кусокъ на тарелку къ брату!

— Кушай, Ванюша! А то, пожалуй, отнимутъ!—произнесъ онъ, угощая самымъ радуш-

нымъ образомъ своего брата, и тутъ-же сталъ поспѣшно уписывать за обѣ щеки очевидно пришедшееся ему по вкусу кушанье.

Сдержанный шопотъ и смѣхъ послышался кругомъ. Дамы закрылись салфетками, чтобы не было видно ихъ смѣющихся лицъ. Но, нимало не смущаясь, Мартынъ продолжалъ ѣсть, обѣими руками хватая кушанье съ тарелки, роняя жирные куски начинки и на свой нарядный камзолъ, и на роскошный кафтанъ рядомъ сидѣвшаго съ нимъ вельможи. При этомъ онъ такъ громко чавкалъ, причмокивая губами и прищелкивая языкомъ отъ удовольствія, что заглушалъ разраставшійся съ каждой минутой смѣхъ присутствующихъ.

Изрѣдка онъ обращался къ брату съ одной и той-же фразой:

— Ѣшь, Ванюша! Ѣшь, не зѣвай!.. Вѣдь не часто попадаютъ такіе куски въ желудокъ.

Наконецъ, добрая половина пирога была съѣдена. Тогда, не смущаясь смѣхомъ окружающихъ, становившимся съ каждой минутой все громче и слышнѣе, Мартынъ схватилъ съ тарелки перепачканными въ жиру пальцами остатки пирога

и набилъ имъ оба кармана своего роскошнаго камзола.

— Это я оставлю на ужинъ. Вѣдь послѣ такого обѣда намъ навѣрное ничего больше не дадутъ,—произнесъ онъ съ самымъ довольнымъ видомъ.

Здѣсь уже долго сдерживаемый смѣхъ присутствующихъ прорвался и перешелъ въ открытый хохотъ. Смѣялись нарядныя дамы, смѣялись пышно одѣтые степенные вельможи, смѣялись лакеи...

Но громче, неистовѣе всѣхъ хохотала веселая, красивая дѣвушка съ чудными, какъ васильки, синими глазами. Ея густые бѣлокурые локоны такъ и прыгали отъ смѣха вокругъ дышащаго весельемъ, раскраснѣвшагося личика. Мартынъ услышалъ этотъ веселый, отнюдь не насмѣшливый, хохотъ, быстро взглянулъ въ сторону смѣющейся дѣвушки и весело крикнулъ тѣмъ веселымъ крикомъ, которымъ раньше сзывалъ свое стадо свиней въ Дагобенѣ:

— Ба! Лиза! Здравствуй, Лиза! Я тебя сразу узналъ... Ты вѣдь та самая Лиза, которая обѣщала сказать царицѣ, что разбила зеркало. Да?

И, не-долго думая, онъ, быстро вскочивши

на стулъ, перекинулся черезъ столъ, отдѣлявшій его отъ смѣющейся красавицы, и, наскоро обтеревъ запачканные жиромъ пальцы о грудь своего шитаго золотомъ бархатнаго камзола, протянулъ руку дѣвушкѣ.

Отъ этого движенія огромный кувшинъ съ виномъ, стоявшій по сосѣдству съ приборомъ Мартына, упалъ на скатерть и вино, заключенное въ немъ, полилось по столу янтарной струей.

— Мартынъ! Что ты надѣлалъ!—въ испугѣ зашепталъ Ваня, силясь посадить брата на мѣсто.—Сиди-же ты смирно...

— Отстань, пожалуйста! —отвѣчалъ тотъ, досадливо отмахнувшись рукою.

Желая оттолкнуть брата, Мартынъ задѣлъ сидѣвшаго съ нимъ рядомъ вельможу, зацѣпивъ рукою за волосы бѣлаго парика, который этотъ вельможа, какъ всѣ важные сановники того времени, носилъ постоянно на головѣ. Въ одну секунду на грязномъ пальцѣ мальчика повисъ надушенный изящный парикъ стараго вельможи, а самъ вельможа очутился передъ блестящимъ обществомъ съ совершенно голою и гладкою, какъ мячъ, головою.

— Вотъ тебѣ разъ! —произнесъ Мартынъ про-

тяжно, и со сконфуженнымъ видомъ занялъ свое прежнее мѣсто.—Ей-Богу-же, сударь, не извольте гнѣваться... я не хотѣлъ васъ обидѣть! Впрочемъ, я сейчасъ все самъ исправлю,— и, повернувшись къ своему сосѣду, онъ въ одно мгновеніе нахлобучилъ ему на голову парикъ по самыя брови...

Но—о ужасъ!—парикъ очутился на головѣ вельможи задомъ напередъ, такъ что его длинная косичка пришлась къ самому носу старика и заболталась потѣшнымъ хвостикомъ между двухъ раскраснѣвшихся щекъ разсерженнаго сановника.

Смѣхъ за столомъ усилился. Красавица-дѣвушка упала прямо на столъ своей золотистой головкой и громко хохотала, глядя на эту сцену.

Неизвѣстно, чѣмъ-бы окончилось все, если бы вниманіе присутствовавшихъ не было отвлечено новымъ, неожиданнымъ происшествіемъ.

Парикъ очутился на головѣ вельможи задомъ напередъ...

XIV.

Въ то время, какъ лакеи обносили обѣдавшихъ второю очередью, состоящею изъ жареныхъ лебедей и прочей птицы, передъ блестящимъ, залитымъ въ золото оберъ-гофмейстеромъ появился трепещущій отъ страха старый камердинеръ.

— Гдѣ-же любимое блюдо ея величества?— грозно насупившись, спросилъ гофмейстеръ старика, постукивая объ полъ своимъ гофмаршальскимъ жезломъ.

— Ваше сіятельство... виноватъ... случилось несчастье, ваше сіятельство... Я уронилъ блюдо съ кушаньемъ! Простите, ваше сіятельство, виноватъ,—ни живъ, ни мертвъ, лепеталъ камерди-

неръ, едва держась на ногахъ и трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Что! Это еще что за выдумка! Уронилъ блюдо! Любимое кушанье государыни!—сурово произнесъ гофмейстеръ. — Это непростительная оплошность съ твоей стороны. Это цѣлое преступленіе! И ты будешь строго наказанъ за него. Знай, что тебя завтра-же отрѣшатъ отъ должности и тогда ты поймешь, что значитъ небрежно обращаться съ кушаньями, изготовленными для ея императорскаго величества!

И сказавъ это тихимъ, но строгимъ голосомъ, гофмейстеръ отвернулся.

Несчастный камердинеръ затрясся всѣмъ тѣломъ. Онъ хотѣлъ просить о помилованіи—и не могъ, хотѣлъ вымолвить слово, — но языкъ не повиновался ему, губы тряслись, какъ въ лихорадкѣ.

А кругомъ было веселье, раздавалась веселая болтовня, звенѣлъ смѣхъ, сыпались шутки. Никто, казалось, не обращалъ вниманія на эту сцену.

Но это только такъ казалось.

Два блестящіе черные глаза такъ и впивались поочередно то въ лицо блестящаго оберъ-гофмейстера, то въ блѣдное лицо камердинера.

И вдругъ Мартынъ вскочилъ со своего мѣ-

ста, обѣжалъ столъ и, очутившись лицомъ къ лицу съ гофмейстеромъ и несчастнымъ камердинеромъ, заговорилъ взволнованно и громко:

— Онъ не виноватъ! Ей-ей же, не виноватъ нисколько!.. Милостивый господинъ, выслушайте меня!.. Въ горницѣ мы съ братомъ увидѣли чорта. Ну, какъ есть чорта, только-что безъ рогъ и безъ хвоста, и кинулись бѣжать отъ него. Чортъ-же далъ мнѣ хорошаго тумака... ну, и извѣстное дѣло, напугалъ меня до полусмерти. Мы тогда подрали вонъ изъ горницы, а тутъ, какъ на грѣхъ, на порогѣ встрѣтился этотъ,—и Мартынъ безъ церемоніи ткнулъ пальцемъ въ грудь несчастнаго камердинера,—съ блюдомъ... ну, и того... Блюдо-то кувыркомъ... на полъ... плюхъ! И кушанье тоже... Паръ только валитъ... Мы съ Ваней не дураки тоже, вкусъ понимаемъ, и того... пообчистили малость. Ужъ больно вкусно было!.. Хвать да хвать кусокъ за кускомъ, глядь, ничего и не осталось... Все здорово обчистили... а какъ—и не замѣтили даже... Виноватъ-то, значитъ, я, а онъ, слуга то-есть, нисколько... Ужъ если кого наказывать, то меня наказывайте, сударь, а его помилуйте... Я его толкнулъ, блюдо изъ рукъ выбилъ и съѣлъ ку-

шанье... потому, не пропадать-же ему въ самомъ дѣлѣ?!..

Лицо Мартына приняло такое сконфуженное и простодушное выраженіе, что нельзя было не разсмѣяться, глядя на него.

Полная темноглазая дама, съ любопытствомъ слѣдившая за всей этой сценой, громко, весело разсмѣялась. Слѣдомъ за нею разсмѣялись и всѣ присутствующіе. Особенно гулко зазвенѣлъ серебристыми перекатами молодой, веселый голосокъ красавицы-дѣвушки, назвавшей себя Лизой.

И самъ Мартынъ весело расхохотался. Ему живо представилась та минута, когда они лежали съ братомъ на полу возлѣ дымящагося кушанья и, точно собачки, уплетали его за обѣ щеки, такъ, прямо съ полу.

— А царицу вы такъ и наказали безъ жаркого?—произнесла полная дама, все еще не переставая смѣяться.

— Не мы, а я одинъ, такъ какъ только я виноватъ въ этомъ!—вскричалъ Мартынъ, смѣло поблескивая своими красивыми глазами.—Ей-Богу-же, я одинъ... Пускай такъ и передадутъ царицѣ... У васъ доброе, хорошее лицо, сударыня,—неожиданно произнесъ онъ, обращаясь

къ полной темноглазой дамѣ,—и вѣрно сердце у васъ доброе. Попросите-же государыню за несчастнаго слугу, чтобы она его не наказывала. Пусть меня одного накажутъ... Я одинъ во всемъ виноватъ... А братъ Ваня тоже нисколько не виноватъ! Онъ былъ со мною только, а блюдо не толкалъ... Ей-Богу! Попросите за бѣднаго слугу, сударыня!

— А ты думаешь, что недобрая царица проститъ его?.. — спросила, пристально глядя въ лицо мальчика, темноглазая женщина и чуть-чуть улыбнулась.

— Мнѣ кажется, что... что она проститъ,— отвѣчалъ Мартынъ, задумавшись на минуту.— Неужто она такая сердитая и строгая?—произнесъ онъ серьезнымъ и недѣтскимъ тономъ.— Можетъ быть, у этого человѣка есть дѣти, и царица навѣрное не захочетъ погубить несчастныхъ дѣтей бѣднаго слуги, который провинился передъ ней не по своей винѣ?

И умные, черные глазки мальчика впились въ лицо полной темноглазой женщины.

— Ты правъ, мой мальчикъ!—произнесла та ласковымъ, кроткимъ голосомъ. — Царица дѣйствительно добрая и она докажетъ тебѣ это.

И, обратившись къ камердинеру, она добавила громко:

— Будь спокоенъ, старина, я прощаю тебя.

Камердинеръ выпрямился, словно выросъ, и, въ одну минуту очутившись у ногъ темноглазой женщины, произнесъ, рыдая:

— Ваше императорское величество! Сохрани васъ Господь! Подай вамъ за вашу доброту, матушка-государыня! Награди васъ Богъ, царица!

Мартынъ вздрогнулъ, въ свою очередь насторожился и во всѣ глаза уставился на красивую даму, находившуюся въ двухъ шагахъ передъ нимъ.

И вдругъ по лицу его пробѣжала нерѣшительная, растерянная улыбка.

— Значитъ, вы и есть царица, сударыня?— прошепталъ онъ, весь подавленный неожиданностью.

— Да, та недобрая царица, которая взяла отъ васъ отца, мои милыя дѣти, и которая возвратитъ вамъ его снова!—произнесъ въ отвѣтъ милый, ласковый голосъ.

— Что?—воскликнулъ Мартынъ не своимъ голосомъ.—Значитъ, нашъ батюшка живъ! Значитъ, не погубили его?!

Вмѣсто отвѣта полная дама громко ударила въ ладоши и, обращаясь къ подбѣжавшему лакею, сказала:

— Пригласите сюда графа Карла Скавронскаго.

Лакей низко поклонился и направился въ другую комнату. Спустя нѣсколько минутъ, двери широко распахнулись, и высокій человѣкъ въ богатомъ, расшитомъ золотомъ, камзолѣ, со шпагой и синей лентой на груди, вошелъ скорой походкой въ горницу.

— Батюшка! — вскричалъ Мартынъ, пристально взглянувъ на вошедшаго, и со всѣхъ ногъ кинулся ему навстрѣчу.

— Дѣти мои дорогія, жена! Вы здѣсь! О, какъ я счастливъ! — воскликнулъ высокій человѣкъ.

— Карлъ, мужъ мой!..—послышался отчаянный возгласъ Маріи Скавронской.

И въ ту-же минуту Карлъ Скавронскій прижалъ къ груди жену и обоихъ сыновей, бросившихся въ его объятья.

Восклицанія, слезы, радостные крики, поцѣлуи—все смѣшалось, слилось въ одинъ сплошной радостный гулъ.

Со слезами на глазахъ слѣдили присутствующіе за этой сценой трогательной встрѣчи отца со своими сыновьями послѣ долгой разлуки.

Сама государыня встала изъ-за стола и взволнованная смотрѣла то на своего брата Карла, то на племянниковъ, повисшихъ на шеѣ отца.

XV.

Когда первый порывъ радости прошелъ, Мартынъ, еще разъ поцѣловавъ отца, съ счастливымъ, сіяющимъ лицомъ подошелъ къ государынѣ.

— Я ошибся,—произнесъ онъ тихо и сконфуженно.—Не сердись на меня, милая, добрая царица. Ты добрѣе, нежели я ожидалъ. Теперь я знаю: ты взяла отъ насъ батюшку, бѣднаго, усталаго, измученнаго отъ работы, съ тѣмъ чтобы вернуть его намъ знатнымъ и богатымъ. Ты—добрая государыня и мнѣ очень жаль, что я о тебѣ раньше думалъ совсѣмъ иначе.

И, прежде чѣмъ кто-либо могъ остановить Мартына, онъ быстро обнялъ обѣими руками за

шею императрицу Екатерину Алексѣевну и звонко поцѣловалъ ее въ обѣ щеки, заставивъ всѣхъ присутствующихъ ахнуть отъ смущенія.

Эта неожиданная ласка тронула государыню, какъ и все поведеніе смѣлаго, славнаго мальчика. Никто еще не осмѣливался говорить такъ съ нею,—могущественною русской императрицей. Ей только льстили и угождали кругомъ. Поэтому искреннее, безкорыстное обращеніе маленькаго племянника крайне растрогало ее.

— Братъ Карлъ! У тебя славныя дѣти,—сказала она, ласково кивая осчастливленному Скавронскому.

Тотъ только низко поклонился своей благодѣтельницѣ.

— А меня ты не хочешь такъ поцѣловать, какъ матушку-царицу? — неожиданно раздался смѣющійся голосъ за плечами Мартына.

Тотъ живо обернулся. Передъ нимъ стояла красавица-дѣвушка, которая назвала себя Лизой.

— Охотно, если ты скажешь, кто ты?—спокойно отвѣчалъ Мартынъ, во всѣ глаза глядя на нее.

— Я принцесса Елизавета Петровна, дочь царицы и твоя двоюродная сестра,—произнесла съ улыбкой дѣвушка.

— Какъ, двоюродная сестрица?! — воскликнулъ съ удивленіемъ Мартынъ.

— Очень просто,—отвѣтила весело принцесса,—вѣдь твой отецъ приходится роднымъ братомъ моей матушкѣ, государынѣ-императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; я, значитъ, его племянница и твоя двоюродная сестра. Государыня потому и велѣла привезти вашего отца и васъ сюда и сдѣлала васъ всѣхъ графами, что вы наши близкіе родственники.

Мартынъ постоялъ нѣсколько минутъ въ недоумѣніи, засунувъ палецъ въ ротъ, потомъ спросилъ, какъ то странно, недовѣрчиво, скосивъ одинъ глазъ:

— А это все правда? Ты не насмѣхаешься надъ нами?

— Конечно, правда, — подтвердила принцесса,—и отнынѣ вы всѣ будете жить здѣсь, въ Петербургѣ, и я буду часто-часто съ вами встрѣчаться. Государыня уже велѣла нанять для васъ учителей, которые будутъ учить васъ, потому что графы Скавронскіе должны быть образованными и умными людьми. Понимаешь?

— Какъ не понять! Все понимаю!—отвѣтилъ Мартынъ.—А только какъ-то странно все это:

недѣлю тому назадъ я свиней пасъ, а теперь вдругъ въ графы попалъ, да еще въ родственники самой государыни...

— Такъ велѣла царица,— улыбаясь отвѣтила принцесса,—и такъ какъ мы теперь родственники, то я охотно поцѣлую моего маленькаго двоюроднаго брата!

И, говоря это, она крѣпко обняла Мартына.

— Надѣюсь, что ты не сожалѣешь, что у тебя теперь двоюродная сестрица? — замѣтила она вслѣдъ затѣмъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я такъ радъ, такъ радъ, что ты моя двоюродная сестрица, что и сказать не умѣю!—закричалъ весело мальчикъ.—Ты очень, очень красивая! И къ тому же такая добрая...

— Если ты находишь, что я такая добрая, то скажи какую-нибудь просьбу, которую я могла бы исполнить для тебя,—отвѣтила смѣясь принцесса.—Можетъ быть мнѣ удастся тогда и на самомъ дѣлѣ доказать, что я добрая...

Мартынъ задумался.

— А вотъ,—сказалъ онъ вдругъ,—разъ ты такая добрая, то попроси императрицу, чтобъ она сдѣлала еще одно хорошее дѣло и потребовала

бы сюда къ намъ Пулю... тогда я буду уже совсѣмъ счастливъ...

— Кто это Пуля? Вѣроятно это маленькая дѣвочка, съ которой ты игралъ въ деревнѣ?— поинтересовалась принцесса.

— О, нѣтъ, совсѣмъ не дѣвочка... Пуля— это свинья, самая красивая свинья, которую мнѣ приходилось пасти въ Дагобенѣ! Ахъ, какая она была красавица, если бы вы знали!—поблескивая глазами и обводя ими кругъ присутствующихъ, восторженно проговорилъ мальчикъ.— Если-бъ я могъ, я бы перетащилъ ее сюда изъ Дагобена... Но этого нельзя... Пуля — чужая свинья... помѣщичья...

— А мы ее все-таки перетащимъ... — весело отозвалась императрица, которая слышала весь этотъ разговоръ.—Ты славный мальчуганъ и я бы хотѣла порадовать тебя чѣмъ-нибудь.

— О, я и такъ счастливъ безконечно!.. Ты, государыня, вернула намъ батюшку. Дай Богъ тебѣ счастья за это!

И Мартынъ вперилъ благодарный взглядъ въ лицо Екатерины.

— Ну, а Пулю мы все-таки купимъ у тво-

его помѣщика,—съ ласковой улыбкой произнесла императрица.

— А ежели онъ не согласится?...

— Согласится...—увѣренно отвѣтила императрица.—Согласится, если мы скажемъ ему, что такъ желаетъ сама государыня.

И она снова обняла и поцѣловала сіяющаго отъ счастья Мартына.

XVI.

ПРОШЛА недѣля, другая, третья.

Мартынъ и Ваня переселились въ домъ, подаренный ихъ родителямъ императрицей, недалеко отъ дворца, на берегу Невы.

Въ этомъ домѣ началось образованіе и воспитаніе маленькихъ графовъ. Тамъ къ нимъ стали приходить учителя, которые учили ихъ всему тому, что требовалось знать дѣтямъ важнѣйшихъ сановниковъ. Одновременно съ этимъ обоихъ мальчиковъ записали въ полкъ, какъ это дѣлалось въ тѣ далекія времена.

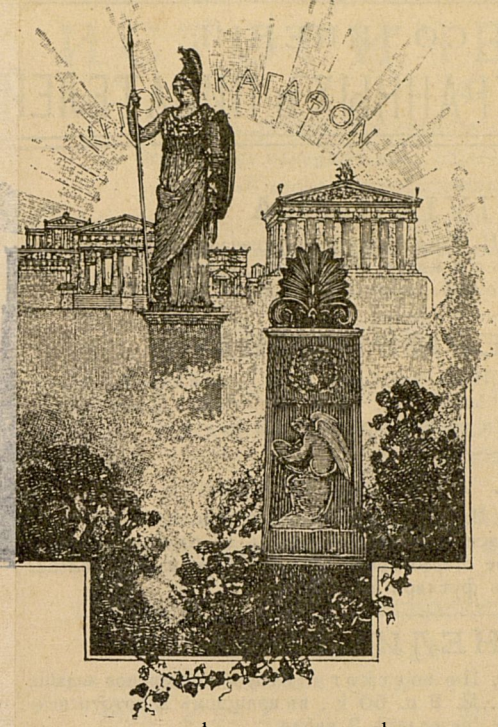
Мартынъ и Ваня учились усердно, прилежно, особенно Мартынъ, оказавшійся очень способнымъ къ наукѣ. Сама государыня часто пріѣзжала

справляться объ успѣхахъ племянниковъ. Нерѣдко посѣщала своихъ двоюродныхъ братьевъ и принцесса Елизавета.

А годы шли... Оба мальчика подрастали и постепенно превращались въ взрослыхъ людей. Изъ Мартына вышелъ, согласно желанію его тетки-государыни, видный сановникъ, генералъ-аншефъ и гофмейстеръ двора. Но императрицы Екатерины уже не было въ живыхъ въ то время.

Государыня умерла, но чувство къ ней любви и благодарности осталось на-вѣки въ сердцѣ молодого графа Мартына Скавронскаго. Онъ постоянно вспоминалъ свою благодѣтельницу, носилъ на груди ея портретъ и часто разсказывалъ о томъ, какъ великодушная и добрая государыня осчастливила бѣдную крестьянскую семью своихъ родственниковъ.

КОНЕЦЪ.



ЭЛЛАДА

ОЧЕРКИ и КАРТИНЫ

ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ и ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

Сочиненіе д-ра ВИЛЬГЕЛЬМА ВЕГНЕРА

четвертое русское, исправленное и значительно дополненное, изданіе, подъ редакц. проф. В. И. МОДЕСТОВА

Съ одною хромолитографированною, 9-ью отдѣльными картинами и 401 рисункомъ въ текстѣ.

ПЕРЕДЪ читателемъ въ «Элладѣ» Вегнера, точно въ панорамѣ, проходятъ Живыя, художественно исполненныя, но въ тоЖе время исторически вѣрныя картины кипучей Жизни и быта древних» эллиновъ, во всем» их блестящемъ разнообразіи, во всѣхъ фазисахъ их развитія. Громкія дѣла великихъ героевъ Эллады, подвиги граЖданъ, битвы и войны, государственное и граЖданское развитіе страны, народные обычаи, картины природы, семейный бытъ—все это разсказано и описано горомъ въ его замѣчательномъ трудѣ съ большимъ талантомъ и тщательностью, въ удивительно простой, ясной и доступной формѣ. Но, кромѣ внѣшних событій, читатель найдетъ въ «Элладѣ» наглядную рактеристику всей духовной дѣятельности греческаго народа, насколько она проявилась въ наукѣ, архитектурѣ, скульптурѣ, Живописи, во всѣхъ твореніяхъ эллинскаго генія, въ домашней и общественной Жизни.

Одинъ большой томъ въ 8 долю листа . . . . . 5 р. — к.
въ оригин. полукожан. золототисненномъ перепл. . . . . . 6 р. — к.

РИМЪ

ИСТОРІЯ И КУЛЬТУРА РИМСКАГО НАРОДА

ЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ

И *ДЛЯ* САМООБРАЗОВАНІЯ

Сочиненіе д-ра ВИЛЬГЕЛЬМА ВЕГНЕРА

ретье русское, исправленное и значительно дополненное, изданіе, подъ редакцію проф. В. И. МОДЕСТОВА. Съ одною картою, 399 картинами и иллюстраціями.

ва большіе тома въ 8 долю листа . . . . . 6 р. — к.
въ двухъ оригин. полукожан. золототисненныхъ перепл. . . 7 р. 50 к.

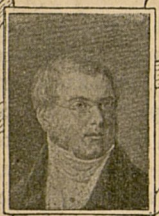
СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

А. С. ПУШКИНЪ

А. С. ПУШКИНА

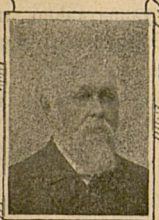
въ одномъ томѣ подъ редакціей П. Н. Краснова. Съ жизнеописан. поэта, портретами и рисунк., относящимися къ его жизни, и съ 35 отд. картинами худ. И. В. Симакова. Ц. въ одномъ изящн. коленк. переплетѣ и въ футлярѣ 2 р. 50 к.



М. Н. ЗАГОСКИНЪ.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ 2-хъ томахъ (въ одной книгѣ). Подъ редакціей В. В. Чуйко. Съ портр. поэта, его біографіей и 41 отд. карт. худ. В. А. Полякова. Ц. въ изящн. коленк. перепл. и въ футлярѣ 2 р. 50 к.



А. Н. СТАХѢЕВЪ

Н. В. ГОГОЛЯ

въ одномъ томѣ подъ редакціей П. В. Быкова. Съ жизнеописаніемъ писателя, портретами, рисунками, относящимися къ его жизни и съ 32 отдѣльными картинами худ. В. А. Табурина. Первое стереотипное изданіе. Ц. въ изящн. коленк. перепл. и въ футлярѣ 2 р. 50 к.

О. И. МЕЛЬНИКОВЪ

В. Г. БЕНЕДИКТОВА

въ 2-хъ томахъ подъ редакціей Я. П. Полонскаго. Второе посмертное изданіе съ біографіей и портретомъ автора. Ц. 2 р. 50 к., въ изящномъ золототисненномъ коленк. переплетѣ 3 рубля.

Н. И. ДАЖЕВИКОВЪ

Н. И. ГНѢДИЧА

въ 6-ти томахъ. Съ портрет. автора и критико-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Н. Минскимъ (Н. М. Виленкинымъ). Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 25 к.

ВЛАДИМІРЪ ДАЛЬ

(Казакъ Луганскій)

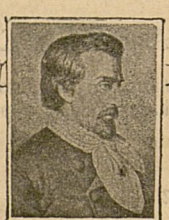
въ 10-ти томахъ. 1-е посмертное полное изданіе, свѣренное и просмотрѣнное по рукописямъ автора. Съ портретомъ В. И. Даля, критико-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ П. И. Мельниковымъ (Андреемъ Печерскимъ) и автобіограф. запиской. Ц. въ 10-ти изящныхъ переплетахъ 12 рублей.

ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

въ 12-ти томахъ. Въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакціею П. В. Быкова. Съ портретомъ Гейне, критико-біографическимъ очеркомъ, составл. В. В. Чуйко и многочисленными иллюстраціями художниковъ: проф.: Шумана, І. Грота, К. Бауера и др. Ц. 9 руб., въ переплетѣ 12 рублей.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА НА ЛЬГОТНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ.

РИСУНОКЪ ПЕРЕПЛЕТА



ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ

РИСУНОКЪ ПЕРЕПЛЕТА

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ

А. КРЕМЕРА

съ пояснительнымъ текстомъ проф. Г. Оскара

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ дополненіями проф. А. Трачевскаго

18 хромолитографированныхъ таблицъ и 106 рисунковъ въ текстѣ.

Цѣна въ папочномъ переплетѣ . . . . . 2 руб. 50 коп.

ИСТОРІЯ ВНѢШНЕЙ КУЛЬТУРЫ

ОДЕЖДА, ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ, ПОЛЕВЫЯ и ВОЕННЫЯ ОРУДІЯ НАРОДОВЪ ДРЕВНИХЪ и НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

240 великолѣпныхъ хромолитографированныхъ картинъ, 80 листовъ описательнаго текста, со многими политипажами.

Сочиненіе и рис. проф. Ф. ГОТТЕНРОТА.

Русскій переводъ С. Клячко.

Два великолѣпныхъ тома въ большую 4 д. л. . . . . 20 руб.

То-же въ двухъ роскошныхъ тисненныхъ золотомъ и серебромъ переплетахъ . . . . . 25 руб.

Допускается разсрочка.

ИСТОРІЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ

Сочиненіе Г. МИШО, съ рис. ГУСТАВА ДОРЕ.

Интересная, увлекательная картина той многовѣковой борьбы за вѣру и идею, которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ «крестовыхъ походовъ», украшенная цѣлою серіею прелестныхъ картинъ и обработанная для юношества. Описана эта исторія такъ живо и увлекательно, что читается какъ историческій романъ. Блестящій высокодаровитый карандашъ Доре, которому принадлежитъ большинство картинъ въ этой книгѣ, имѣлъ здѣсь богатое поле для развитія своей фантазіи, своего таланта и создалъ здѣсь цѣлую серію прелестныхъ картинъ.

Большой томъ въ листъ in 4°, напечатанный на велен. бумагѣ, въ роскошномъ и богатомъ коленк. перепл. съ золототиснен. 6 р.

НАША ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Собраніе историческихъ повѣстей, очерковъ, монографій для дѣтей и юношества въ изящныхъ изданіяхъ.

«Наша Историческая Библіотека»—это собраніе избранныхъ, вполнѣ законченныхъ сочиненій для юношества, изъ которыхъ каждое рисуетъ какую-нибудь историческую эпоху, жизнь знаменитаго историческаго дѣятеля, описываетъ выдающееся историческое событіе и пр. и пр. Всѣ сочиненія написаны въ формѣ интересныхъ и доступныхъ для юношества повѣстей, разсказовъ или очерковъ, украшены многочисленными иллюстраціями, снимками съ древнихъ гравюръ, портретами и пр.

ИСТОРІЯ СУВОРОВА

Сочиненіе

ПЕТРА УСОВА

съ 1 хромолитографіею

и рисунками и портретами.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ПОМПЕИ

Истор. разск. Э. Л. БУЛЬВЕРА, примѣненный для юношескаго возраста П. Морицомъ.

Переводъ Е. Г. Тихомандрицкой.

Съ 11 отд. карт. и 34 рис. въ текстѣ.

ЖИЗНЬ ЗНАМЕНИТЫХЪ ДѢТЕЙ

Черты изъ дѣтства великихъ людей.

Очерки, составленные по Фоа и др.

М. НИКОЛЬСКИМЪ.

Съ 17 портретами и рисунками.

Цѣна каждаго тома 1 руб. 25 коп., въ оригинальномъ золототисненномъ переплетѣ 1 руб. 75 коп.

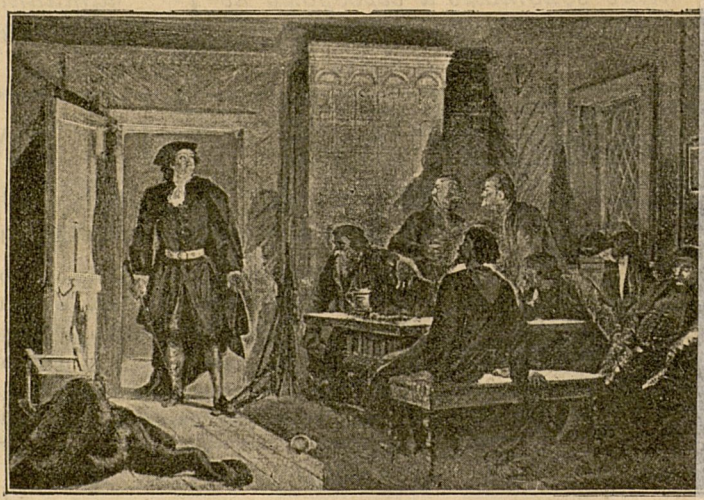
ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

С. ЧИСТЯКОВА

съ картинами, портретами, автографами, медалями и пр. и пр. на отдѣльныхъ таблицахъ и въ текстѣ. Рисунокъ переплета акад. Н. С. Самокиша.

НЕДОСЯГАЕМЫМЪ гигантомъ выдѣляется на фонѣ отечественной исторіи личность Петра Великаго. Для того, чтобы научно объявить всю дѣятельность этого гиганта, дать характеристику всѣхъ его подвиговъ, оцѣнить всѣ его реформы и дѣянія,—для этого нужны десятки томовъ, нужны обширныя научныя монографіи. Но и въ болѣе сжатомъ изслѣдованіи можно представить сильный и яркій образъ Преобразователя Россіи, можно ознакомить съ тѣми его подвигами, которые заслужили ему названіе «Великаго».

Настоящая книга имѣетъ цѣлью дать именно сводъ того, что путемъ историческихъ изысканій извѣстно о Петрѣ,—сводъ, написанный не въ сухой формѣ лѣтописи, но въ видѣ интереснаго историко-біографическаго очерка, строго основаннаго на фактахъ, при чемъ имѣлось въ виду сдѣлать этотъ трудъ одинаково доступнымъ и занимательнымъ какъ для взрослаго читателя, такъ и для юноши.



Петръ I въ домѣ Цыклера накрываетъ заговорщиковъ (23-го февраля 16[illegible] г.). (Картина А. І. Шарлеманя).

Многочисленные рисунки, помѣщенные въ текстѣ, состоящіе частью изъ снимковъ со старинныхъ гравюръ, медалей, портретовъ, частью-же изъ копій съ извѣстныхъ картинъ, историческихъ сценъ и пр., имѣютъ цѣлью дополнить текстъ и сдѣлать его наглядными.

Большой томъ, отпечатанный на слоновой бумагѣ. . . . 5 р. — к.
Въ богатомъ коленкор. тиснен. золотомъ и краск. по рисунку акад. Н. Самокиша переплетѣ . . . . . 6 р. — к

ГПБ Русский фонд
38.17.4.12